

18+

ТЕМНЕЕ НОЧИ

СБОРНИК ХОРРОР-РАССКАЗОВ ПРО ФОЛЬКЛОРНЫХ СУЩЕСТВ

Крафтовый литературный журнал «Рассказы»

Ирина Родионова

Журнал «Рассказы». Темнее ночи

«Крафтовая литература»

2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Родионова И.

Журнал «Рассказы». Темнее ночи / И. Родионова — «Крафтовая литература», 2025 — (Крафтовый литературный журнал «Рассказы»)

ISBN 978-5-6051398-3-6

Не спи, коли младенцы мертвые под порогом скребутся, да божество лесное смрадным дыхом травит. Домовой с кикиморой спорят... беги без оглядки — не то кровью умыться придется, да не своей. В этих историях сила нечистая властвует над судьбами, а человеку остается шептать молитвы, что растворятся во тьме. Мрачный фолк-хоррор в специальном выпуске журнала «Рассказы».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-6051398-3-6

© Родионова И., 2025
© Крафтовая литература, 2025

Содержание

Сказки для маленьких девочек	7
Не имей дела с Хозяйкой Рыб	14
Бартер	18
Десятая жизнь	30
Касатики	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

**Елена Станиславская, Алексей
Провоторов, Мара Гааг, Андрей Миля,
Татьяна Верман, Олег Савощик,
Володя Злобин, Екатерина Годвер,
Денис Гербер, Анатолий Уманский,
Ирина Родионова, Ольга Цветкова,
Денис Приемышев, Тина Берр
Темнее ночи. Литературный журнал
Рассказы, специальный выпуск**

24-00

В одном маленьком-маленьком городе, одна милая-милая
девочка,
Никогда не перечила взрослым и смотрела на мир доверчиво:
Если давали кашу – ела,
Если давали советы – слушала,
Если давали работу – делала
Словом, была хорошая:
Мягкая, без углов – об такую нельзя пораниться,
Умница и красавица.

И однажды утром её не стало.
То есть девочка как обычно проснулась, встала,
Потянулась и, кажется, улыбнулась,
Потом посмотрела в зеркало...

А в зеркале девочки не было.

Если на чёрной улице чёрной ночью
Подойдёт к тебе бледная девочка и обнять захочет,
Скажет, что где-то себя потеряла и не сумела найти,
Что замёрзла и сбилась с пути,
А зрачки её будут белее снега, и ледяными – пальцы,
Скрюченные, будто лапы грачиные, чтобы схватить и прижаться
К живому теплу твоему синеватой кожей,
Чтоб стать на тебя похожей
Хотя бы на миг...
Если такое случится, сдержи свой крик,
Не бормочи молитв, не ломись в кусты.

Когда обнимают тебя, обними и ты.

Говорят, она ослабеет, главное – не бояться,
И уходить решительно. И ни за что не оглядываться.

– Александра Зайцева (из цикла «Ночь в твоей голове»)

Сказки для маленьких девочек Елена Станиславская

Матушка велела не медлить и выходить нынче же, в полночь.

Рута аргачиться не стала. Знала, что без толку. Набросила накидку, надела чепец, а пока натягивала сапожки, украдкой ощупала тайный карман с внутренней стороны голенища.

Нож был на месте. Рута выдохнула.

– Вот лекарство для бабушки Фелонии. Вода на дорогу. И ольховый гребешок на удачу... – Матушка вынесла корзину и, откинув полотенце, принялась показывать, что внутри. На миг сбилась, замялась, но продолжила: – А еще хлеб, что спекла вчера. Подкрепишься в дороге. До бабушки путь неблизкий.

Тут уж у Руты все сомненья отпали: хлеб – верный знак. Ухватившись за ивовую ручку, она снизу вверх поглядела на мать. Глаза горели – Рута чувствовала, как жжется ее взгляд, как сверкает внутренний костер, как пекутся глазные яблоки в подступающей соли.

Спросить? Да на кой! Правды все равно не дождешься, а вранья, спасибо, покушала вдоволь. Не ты ли, матушка, приговаривала, поглаживая дочерние кудри: «Не отдам, не отдам»? Не ты ли плевалась, завидев из окна Серую Шубку: «Чтоб ты диавол побрал, диавол побрал»? Так вот – отдаешь, матушка. И диавол не помог. И Бог. И царь лесной.

А может, нету их вовсе – высших сил. Сказки все это для маленьких девочек.

Скрипнув зубами, Рута крепче стиснула ручку корзины и дернула на себя. Выпустив ношу, матушка отступила на шаг. Очи долу, морщина между бровями. Руки вдоль тела висят, точно мокрые тряпки. Не от воды мокрые, от крови. Глядишь, вот-вот забарабанит по полу багряная капель. А чья кровь-то? Дочерняя.

Молчит матушка – ни слова, ни полслова. Только губы покусывает осколками темных зубов. Рута выждала немного – может, хоть попросается? – и толкнула дверь. Мать даже в спину ничего не сказала.

Иль надеется, что гребешок подсобит? Ох, сказки-сказочки.

На ум сразу пришла Хелика. Напрасно подруга верила в легенды. Раз ее гребешок не выручил, Руте и подавно не стоит ждать чуда. Есть у нее другой помощничек. Понадежнее, поострее.

Смахнув злые слезы, Рута пошагала прочь от дома. От черепицы, что укрывала ее. От печки, что согревала в самый лютый мороз. От их с Хеликой альбома, куда по очереди зарисовывали местные травы, ягоды и грибы. Рута думала, с каждым шагом будет лишь тяжелее, но чем дальше шла, тем меньше хотелось повернуть назад. Рвались от быстрого шага лесные паутинки, мерцающие в свете луны. Рвались и незримые нити, что привязывали к дому.

Рута не боялась, что сразу встретит кого-то из братии, но все равно поразились тишине и мертвости редколесья. Ни ночная птица не вскрикнет, ни жаба из топи голоса не подаст. Лишь подошвы шуршат по прошлогоднему опадку да поскрипывают над головой кривые голые ветки. У них та же болезнь, что у бабушки Фелонии. Старость. А от нее, как известно, нет лекарства.

Воздух, прохладный и пряный, сперва остудил, а после вскружил голову. Еще легче стало, еще спокойнее. Рута решила, что не пойдет к Фелонии – бог с ней, со старухой. Может, она померла давно. Ясно же, что матушка затеяла. Сговорилась с Серыми Шубками за спиной у Руты.

Она усмехнулась и подумала: «А вот испорчу им праздник. Сильно испорчу. И начну прямо сейчас, на кой ждать? Сперва хлеб, потом мясо».

Миновав ручей, она отсчитала десять раз по десять шагов, опустилась на корточки и ощупала землю под дубом. Сухо. Откинув в сторону две палые ветки, чтобы не кололи сквозь

накидку, Рута села и привалилась к стволу. Рука скользнула под полотенце. Пальцы наткнулись на жесткое, прохладное, колкое – гребешок. Проведя по зубчикам, Рута скривила рот.

Тотчас вспомнилась Хелика: как они бегали в малолетстве на полесье – дышать парами кровохлебки для успокоения нервов и крепкого сна. Рдяные цветки щекотали лицо, подруга сжимала Рутину ладонь и шепотом пересказывала древние легенды о Лесном царе. Братия запрещала верить в него. Говорить о нем – тоже. А Хелика не боялась, говорила да верила, и Рута млела о гордости, что подруга делится с ней сокровенным. Млела, но виду не показывала.

– Царь наш – лесной, ольховый, – говорила Хелика, – добр по-своему. Не как Серые Шубки. Он не берет больше, чем ему надобно.

– Он ворует детей. – Рута кривила губы. – Разве не так говорится в твоих сказаниях?

– Не ворует. Спасает.

– От кого? От Шубок?

– И от Шубок тоже. От горестей взрослой жизни.

– А с ним-то, думаешь, больно радостно? Вечно в лесу жить.

– Да ты посмотри, какая тут красота. Я бы не отказалась. Каждую ночь у Царя пиршество и хороводы. Чем плохо?

– Забрал бы всех тогда, раз так.

– Он только тех спасает, кто душой чист. – Хелика вздыхала. – А взрослые – не такие.

– Так чего ж ты! Проведи гребешком по волосам – и дело с концом, – с ухмылкой подначивала Рута. – Явится Царек, заберет тебя. Уж ты-то у нас чище некуда!

Хелика улыбалась – так, словно знала что-то, – и у Руты екало сердце. Чего доброго, послушается подруга, призовет Царька. Спеша развеять собственные слова, Рута фыркала:

– Сказки все это. Для маленьких девочек.

А Хелика звенела в ответ:

– Может, и сказки. Да в них намеки.

Детство тогда казалось вечным. А все, что кажется вечным, заканчивается слишком быстро.

Отложив гребешок, Рута достала хлеб.

Он был круглый, сероватый, с темными прожилками. Матушка добавила в жито резаных грибов. Позаботилась, чтобы Серым Шубкам было вкуснее. На языке загорчило от обиды. Рута сплюнула.

«Все, хватит дурью маяться. Делай уж, что надумала», – подогнала она себя. Шубки разозлятся из-за подпорченного обряда, да и пускай. Кто злой – тот слепой. А Руте только того и надо, чтоб Шубки глаз лишились.

Где-то хрустнула ветка.

Рута вскинулась и вонзила пальцы в хлеб. Вырвав большой кусок, быстро сунула в рот. Горечь на языке сменилась сладостью – потекла со слюной в глотку, оттуда в желудок. Ну, матушка, ну, расстаралась для Шубок! Рута в жизни не ела хлеба вкуснее. Отщипнула еще, забила за щеку. Тесто пышное, легкое, аж тает. А грибочки – точно сахарные. Не съесть ли всё? Рута опустила взгляд на хлеб, лежащий на коленях, и вздрогнула. В тесте что-то шевелилось. Жук, что ли, внутрь заполз? Или мышонок? Рута наклонилась пониже, присмотрелась – благо луна давала достаточно света. Вскрикнула.

Грибные прожилки – вот что копошилось внутри жита. Как черные черви, они ползли вверх, пока не образовали клубок. Тут корочка с хрустом треснула, и крупный червяк, сплетенный из множества мелких, высунулся наружу. Завертелся, коснулся Рутиных пальцев – склизкий, холодный. Она вскрикнула и, сбросив хлеб с коленей, поползла в сторону.

– Тьфу, яфык прикуфил, – раздалось с земли.

Хлеб вздрогнул, перевернулся, и на Руту уставились два темных провала. Под ними зияла кривая трещина-улыбка с торчащим из нее кончиком червя-языка. Черный, заостренный, он суетливо зализывал рваные углы рта. На Руту накатила тошнота, а вместе с ней дрожь.

– Ты кто? – Рута, преодолевая слабость, потянулась к голенищу. – Дьявол?

– Думаешь, дьявола можно испечь? Не лсти людям, вы такое не умеете. Я просто хлебец.

– Тогда почему ты говоришь? – Пальцы нырнули в кармашек.

– Не знаю. – Хлебец, припадая на отъеденный бок, подкатился ближе. – Потому, может, что ты скоро сдохнешь. А помирать в одиночестве – так себе затея.

Рута выхватила ножик – им она обычно срезала грибы и кору – и выставила перед собой. Хлебец усмехнулся так широко, что рот его треснул еще больше.

– С чего это ты решил, что я сдохну? – Лезвие тряслось в руке. – Из-за Серой Шубки?

– Скорей оттого, что твоя мать нашпиговала мое тесто подморенышами. Слыхала про такие?

Нож чуть не вывернулся у Руты из пальцев. Вспомнился альбом, куда они с Хеликой заносили все, что росло в округе. Подмореныши походили на сморухки, только ножки у них были тонкие и нежно-розоватые, точно девчачьи пальчики. Было отличие и посерьезней: сморухками хоть заешься, а подморенышей – стороной обойди, целее будешь. Раза три-четыре в годину непременно кто-нибудь травился. Некоторые нарочно, другие по глупости.

А матушка-то вчера, стоило войти в кухню, вздрогнула всем телом, загородила стол и резко чиркнула ножом по доске – мигом смела в тесто грибные ножки.

Неужто правда?

Нет, нет, это дьявол морочит голову! Он вселился в хлеб – как однажды в козу бабушки Фелонии. Скотинка, правда, разговаривать не научилась, но молоко давала с кровавыми сгустками и кричала так, словно живьем в огне корчилась. Пришлось прирезать, но братия все равно прознала. Пришли Серые Шубки, обвинили косую дочку Фелонии в колдовстве и неблагочестии, да и увели в лес. А у самих носы ввалившиеся и кожа в струпьях, благочестия хоть отбавляй. Это Руте Хелика рассказала, той – ее матушка, а матушке – сама бабушка Фелония. С тех пор-то она и жила одна-одинешенька. Изредка женщины, кто постарше, пострашнее и побесстрашнее, ходили через лес и навещали старуху. Когда матушка сказала Руте, что настал ее черед проведать бабушку Фелонию и отнести ей отвар от ломоты костей, Рутино сердце недобро сжалось. А уж когда матушка замешала тесто для хлеба, тут и вовсе захотелось взвить не хуже одержимой козы.

Хлеб был верным знаком: грядет свадьба с Серой Шубкой.

Псовая свадьба, если явятся несколько братьев. Последнее время только так и случилось – не один приходил, не двое, а целая стая.

– Зря ты взялась жрать меня в одиночку. – Хлебец укоризненно уставился на Руту. – Так бы прибрала с собой Шубок. Они до жратвы охочие и обряды свои блюдут строго: вначале преломить хлеб и только потом девку.

– Когда матушка сговорила с ними? – Рута задрала голову, чтобы слезы не потекли из глаз.

Деревья кружились вокруг: приближались, кланялись, отступали. Будто на празднестве. На свадьбе. Только не той, что с Серыми Шубками. На какой-то другой. Славной, счастливой.

– Мне-то откуда знать? – фыркнул Хлебец. – А как это обычно бывает. Со всеми. Вот так и с тобой. Пришли братья, пока тебя дома не было, и велели отдать то, что причитается. Ну а матушка твоя по-своему рассудила.

Рута прикусила руку, чтобы не расхохотаться или не разреветься, и в голове прозвучало: «Не отдам, не отдам». Получается, матушка не обманула. Не отдала Серым Шубкам – сразу Господу вверила.

Если он есть, конечно. А то ведь сказки все это, скорее всего. Что Бог, что диавол. И коза у бабушки Фелонии просто-напросто заболела какой-то звериной хворью. «И я заболела», – подумала Рута, чувствуя, как крутит желудок.

– Как мне прожить подольше? – прохрипела она. – У меня дело есть, помирать пока нельзя.

– Ты сейчас с кем беседуешь? – уточнил Хлебец; голос был какой-то хитрый.

– С тобой.

– А разве такое не только в сказках бывает? – Пыхтя, он полез обратно в корзину и выронил гребешок. – Подумай хорошенько. Хорошенько, но быстренько.

Гадать о сказанном долго не пришлось. Рута кивнула, мысленно подивившись мудрости говорящего хлеба. Сказки. Точно! Спрятав нож, она подняла гребень. Провела по волосам. Раз, другой. Ничего не произошло. Чувствуя, как подступает отчаяние, Рута с силой заскребла гребнем по голове – до боли, до выдранных волос. Ни движения, ни звука.

Хелика говорила: ольховые гребешки – кусочки короны Лесного царя. Берешь такой, в чашу уходишь, начинаешь расчесываться – тут-то Он и является: поглядеть, кто осмелился осколком короны по своим нецарственным патлам скрести. А дальше уж как получится. Понравишься Царю – желанье твое исполнит, а взамен душу заберет. Не понравись – душу заберет, а взамен ничего не оставит.

Те, кто не знали старых сказок, верили, что ольховые гребешки приносят удачу и всюду таскали их с собой. Те, кто знали, лишний раз к ольхе не прикасались.

Прокатился по лесу визг беличьей драки – и стих. Пошатываясь, Рута поднялась с земли. Осмотрелась, прислушалась. Среди танцующих деревьев вспыхивали и гасли разноцветные змейки. Сверху, серебряный и звонкий, лился лунный хохот. Яд, прежде чем убить, делал все небывало красивым. Рута тяжело поглядела на гребень. Отшвырнула в кусты и побрела куда глаза глядят.

– Сказки все это. – Она усмехнулась. – Для маленьких девочек.

– Может, и сказки, – прошелестело рядом. – Да в них намеки.

Внутри у Руты вскипела дикая, обжигающе-ледяная смесь из ужаса, горя и надежды. Слева шуршали шаги – легкие, но вполне различимые. А может, ветер гоняет листву? Или белка ищет зарытый в земле орех? Рута боялась повернуть голову. Хелика не могла быть тут. Не могла идти по лесу. Вот уж год, как она умерла.

Хлебец заворочался в корзине и, откинув край полотенца, выглянул наружу. Скопил влево ямные глаза и выругался, да настолько скверно, что и неясно, откуда хлебу знать такие слова.

– Мать честная, – прошептал он. – Ты ее видала?

Рута глубоко вдохнула и повернулась.

Хелика шла рядом. Она слепо ощупывала воздух вытянутыми руками, но при этом ловко переступала вспученные корни и кочки – будто подглядывала сквозь тряпицу во время игры в жмурки. У босых, грязных ног суетилась белка. Все выискивала что-то в листве, прыгала с места на место, а потом подняла мордочку – и Рута увидела в пасти глазное яблоко.

Сейчас Хелика была не такой, какой Рута хотела запомнить ее.

Она была такой, какой ее нашли в лесу после свадьбы с Серыми Шубками.

Порой девушки возвращались печальными, притихшими, без кровинки в лице, но на своих ногах – и часто спустя положенный срок приносили приплод. Порой они приползали едва живые, все в крови, женская община выхаживала их – иной раз и тут не обходилось без деторождения. А порой девушки не возвращались вовсе.

Хелика не вернулась. Рута спозаранку отправилась на поиски, хотя по закону полагалось ждать до полудня, и обнаружила подругу на любимой опушке с кровохлебками. Одежда изо-

рвана, вместо холмиков грудей две раны с подстывшей кашицей крови, и нет больше небесно-синих глаз – лишь темные рытвины. Рута завопила и осела в траву.

А сейчас – никакого крика. Горло сковало холодом, и Рута с трудом выдавила:

– Тебе было очень больно?

– Да что ты, Рута! – Хелика звонко рассмеялась. – Когда Шубки пришли, меня уж там не было.

– Где не было? – нахмурилась Рута. – На опушке?

– В моем теле. Настоящую боль – ее только душа ощущает. А телу без нее ничего не страшно. Стала я как безвольная куколка. Не живая, не мертвая. Потому-то Шубки так раскуражились: все делали, что могли, чтобы я в чувство пришла. Чтобы закричала, заплакала. Они любят, когда так.

– А куда ж она делась, твоя душа? – Рута знала ответ, а все же спросила.

– Вылетела, как птичка, а Царюшка поймал и себе забрал. Я, как в лес вошла, сразу гребешком расчесалась. Вот он и пришел за мной.

– А за мной, получается, не явился. Тебя отправил. Почему?

Рута и тут знала ответ: приглянулась ему Хелика – чистая душа. Ни словом, ни делом в жизни никого не обидела. Да и в сказки верила. Как такую не забрать?

– Царюшка меня не посылал. Я сама пришла. Чтобы побыть с тобой, пока все не кончится. – Подруга потупила пустые глазницы. – Я уж его и так и сяк за тебя просила...

– Значит, меня... – С языка чуть не соскочило «точно-точно нельзя забрать?», но Рута в последний момент воспротивилась: – Меня и не надо. Не хочу быть безвольной, когда встречу Шубок. У меня другой путь.

– Вот и Царюшка так говорит, – улыбнулась Хелика.

– Только мне дойти надо. Дотянуть. Поможешь?

Подруга подошла вплотную – пахнуло мхом, прелым оврагом, густой смолой – и закинула Рутину руку себе на плечо. Сразу легко стало. Яд будто застыл в крови, и смерть замедлила шаг.

Лунный свет щедро облил Хелику, и теперь Рута разглядела: не такой подруга была, какой ее нашли в лесу после свадьбы с Шубками, и не такой, какой Рута хотела запомнить ее. Поселились в глазницах болотные огоньки, тело обросло мхом и цветами – точно бархатом с вышивкой. Покрывали шею, словно ожерелье, раковины улиток. Свешивались с венца, сплетенного из веток, бурые ольховые сережки. Царюшка любил свою Хелику. Баловал. Рута видела это.

У нее сделалось спокойно на сердце, почти радостно. Некоторым девочкам лучше с головой уходить в сказки – так и случилось с подругой. Что бы стало с ней, выживи она после свадьбы? Вероятно, родила бы дитя. Если мальчика – отдала б, как положено, на воспитание братии. Если девочку – ждала б с содроганием дня, когда Шубки придут стовариваться о свадьбе. Хелика стирала бы, штопала, работала в огороде, растила и забивала скотину, болела, пила бражку, болела бы все сильнее, пила бы все чаще и думала, постоянно думала: кто придет за ее дочерью, за кем явится ее сын?

Возможно, однажды она добавила бы в тесто, заготовленное для свадебного хлеба, десяток-другой подморенышей. И себе бы оставила – чтобы уйти вслед за дочерью. Не сделала ли так матушка?

– Хелика, а еще есть кто-нибудь? – прошелестела Рута.

– О ком ты?

– Ну, кроме твоего Царя. Дьявол, может? Или Бог?

– Про Бога не знаю, это ты мне потом расскажешь. – Подруга улыбнулась, направив на Руту глаза-огоньки. – А дьявол есть. Я помогу тебе с ним встретиться. Будь готова.

Рута кивнула и прижала к себе корзину. Ноги выделявали петли, все норовили пуститься в пляс вместе с деревьями, но Хелика держала и вела вперед. Подруга знала, куда идти, и

Рута полностью доверилась ей. Хлебец, выглянув из-под полотенца, затянул песню – что-то о возвращении на ржаное поле. Знал – для него тоже скоро все кончится.

Рута не чувствовала страха, потому что не чувствовала одиночества. С ней были и говорящий Хлебец, и Хелика. А может, еще кто-то. Да, кто-то еще точно был. Рута поглядела на небо – и тут началось.

Сперва она услышала их и только потом увидела. Серые Шубки соткались из воя, смеха, ругани, гиканья, отрыжек и топота. На плечах – волчьи шкуры. На поясах – топорики и ножи. Бороды, у многих с сединой, топорщились, словно вздыбленный мех. Увидав Руту, братья окружили ее. Покамест не приближаясь, они рассматривали и обсуждали невесту – негромко, с хохотками, передавая по кругу бутылку с мутной бражкой.

Рута мягко высвободилась из объятий Хелики и шагнула вперед. Взялась было посчитать, сколько братьев явились на свадьбу. Сбилась на седьмом.

Наконец один вышел вперед. Высокий, нестарый, с тонким лицом и толстым брюхом. Сжав Рутину плечо, он подтянул ее к себе и уткнулся в ложбинку на шее. Нос был холодный, влажный – не отличить от псиного. Громко втянув запах, Шубка прошептал – только для себя и для нее, не для других братьев:

– Такая же молоденькая и сладкая, как прошлогодняя Синеглазка. Да вот кровушка у тебя, видать, погорячее. Проверим.

«Вот он, диавол», – поняла Рута и тотчас разглядела маленькие рожки над вдовым мысом.

Не выпуская ее плеча, диавол запустил свободную руку под полотенце и вытащил Хлебец. Рута бросила на него взгляд: глаза, рот – все исчезло. Жито как жито, ничего подозрительного, только бок надломлен. Стало немного жаль, что не успела попрощаться с попутчиком.

Диавол поглядел на хлеб и поморщился. Пальцы, сжимавшие плечо, пауком заползли на шею. Сдавили.

– Надкусанное не жру, – полыхнули чернь-глаза.

Рута вздрогнула и впервые в жизни взмолилась: «Господи, пожалуйста, пусть диавол не растопчет его, не выбросит его, не...».

– Так давай суды, брат мой. – К свадебному угощению протянулись скрюченные стариковские руки. – Вам, молодчикам, лишь бы с девками кувыряться. Никакого уваженья к традициям. О, с грибцами!

Хлеб упал в подставленные морщинистые ладони.

Шаркая и бормоча, старик ушел в тень. Оттуда по-прежнему неслись пьяные выкрики, похожие на лай, но никто больше не приближался. Похоже, старик был слишком голоден – потому и решился подойти.

– Придется тебя наказать, невестушка, – пропел диавол. – Хлеб испортила, напрасилась. – И швырнул Руту оземь.

Мягко, бережно приняла листва. Ни веточка в спину не вонзилась, ни камень под голову не подвернулся. Будто кто-то расчистил и взбил лесную подстилку.

Тяжесть чужого тела придавила к земле. Рута сглотнула слюну, ставшую сухой и колкой, как хвойные иголки. Не угроза напугала ее, и не удар, и не то, что диавол уселся сверху – ни вдохнуть, ни шевельнуться. Он не отведаст хлеба – вот что страшило больше всего. А до голенища, где припрятан нож, ей теперь не дотянуться.

Лицо покрыла испарина: то ли от внутреннего жара, то ли от горячего дьявольского дыхания. Смердное, едкое, оно отравляло не хуже яда. Желудок скрутило от боли, напоминая, что время на исходе. Диавол зашуршал ее юбками.

Кто-то взял Руту за руку. Скосила глаза: Хелика. Как и обещала, подруга осталась до конца. Вначале ее прикосновение было нежным и удивительно теплым, почти живым, а мгновение спустя пальцы стали холодными и твердыми. Пальцы ли? Рута сжала кулак.

– Преломим же хлеб, братья! – прокричал старик, и Серые Шубки поддержали его нестройным воем.

Зачавкали, запричмокивали. Матушкина выпечка пришлась братии по вкусу.

Растянув уголки рта, Рута от всей души прошептала:

– Угощайтесь.

Дьявол замер и уставился на нее. Вспыхнула в глазах злая догадка, но лезвие ножа быстро погасило ее. Пронесся по лесу крик, хлынула кровь на Рутины щеки, но она уже ничего не слышала и не видела. Рута летела – напрямиком в ту сказку, которую заслужила.

Не имей дела с Хозяйкой Рыб Алексей Провоторов

«Не имей дела с Хозяйкой Рыб, если тебе нечего ей подарить».

Старая истина, каждый не раз слышал её, или читал, или изрекал сам, с видом мудреца. Мы спешились минуту назад, замученные кони упали на влажный песок. Пахло солью и далью.

«Не смотри долго на Хозяйку Рыб, иначе она будет стоять перед глазами до конца дней. И конец этот может быть недалёк».

Солнце садилось, тонуло в море, как раненый зверь, закат кровью разливался по сизой воде, пена казалась золотом. Море толкало золото на берег и загребало обратно. Хозяйка Рыб стояла в воде, не ступая на сушу; её конь не вынимал копыт из прибоя, мокрый, черный, лоснящийся, он имел форму только спереди, а сзади смолой утекал в воду. Скалил загнутые зубы. Он выглядел как глубоководная рыба, вышедшая на берег. Известно, что в толще вод он имеет другую форму. Известно так же, что он быстрее любого другого существа в море, даже рыбы-парусника. Ты ни за что не уйдёшь от Хозяйки Рыб.

«Не имей с ней дела при полной луне, когда лунная дорожка ложится на мокрый песок – иначе ты можешь уже не сойти с неё, а она короткая и ведёт в воду».

Нас оставалось мало, втрое меньше, чем отправилось сегодня на рассвете в туман. Мы ударили в бок конвою прежде, чем Валь де Маар, вундермейстер Короны, наложил бы на груз свои лапы. Мы справились, успели, захватили, ушли. Мои люди были готовы пойти за меня и в огонь, и в воду, и даже в Квадратный лес. Это стоило нам ещё потерь, но мы срезали путь, выгадали время.

Я понимал, Валь де Маар с отрядом уже летит по нашим свежим кровавым следам. Я знал его, он был страшен и в покое, а во гневе стократ.

Я стоял на сухом берегу, люди мои держались у меня за спиной, никто не прятал оружия, и я не мог их винить.

– Чего звал, – спросила Хозяйка Рыб, пока кровь жертвы ещё мутила прибрежную пену. Обычно для такого нанимали колдуна, но я сам умел.

Надеялся, что умел правильно. Роза-Лина, огонь души моей, понимала в этом лучше.

– По добру не звал бы тебя ни за что, – сказал я, и Хозяйка улыбнулась довольно. Блеснули жемчугом мелкие зубы, я не успел заметить, острые или нет.

– Так и надо. По добру мы с вашим людом и не видимся. Когда в море идёте, не рады меня видеть, когда ко дну идёте – рады.

– Ты тоже не слишком сияешь при виде нас.

– А что в вас хорошего?

– Твоя дочь считала иначе.

Хозяйка Рыб подалась вперёд, наклонила голову. Алое блеснуло в костяной игольчатой короне, алое плеснуло в глазах, и это не был закатный свет. Конь её шагнул вперёд, я – назад. Мои люди, я чувствовал, тоже отступили на шаг. Все четверо. Я сжал кулак, разжигая Знаки. Стоять, пока стоять.

«Разговаривай с Хозяйкой Рыб в закатный час, пока солнце на небе, долго говорить не давай, близко не стой».

– Зачем звал, Джек Полсердца, с чем пришёл?

Я едва сдержался, чтобы не мигнуть.

– Знаешь моё имя? Почёл бы за честь, да, чую, не к добру.

– О, я всегда знаю, кто меня позвал. Или здорово угадываю. Ну так?

– Смотри, – сказал я, махнул рукой. Очень хотелось оглянуться на шорох ткани, но я не отрывал глаз от белого лица Хозяйки Рыб, пока Елиза и Ньял стаскивали чехол с сосуда.

Я и так насмотрелся уже на эту бочку из зелёного стекла, запаянную, глухую, кроме одного отверстия, от которого внутрь выдул стеклодув тонкую трубку. На создание в мутной, нечистой после стольких дней заключения морской воде. Рыжеволосая, до пояса похожая на человека, хоть и не совсем, ниже пояса – на рыбу, хоть и не совсем, она почти всё время спала, но затылком я ощутил, что сейчас она открыла свои янтарные дикие глаза, почуяв свет, а может, близость моря, а может, услышав голос матери.

...Дочь Хозяйки Рыб полюбила человека и выбралась на берег. Ей обещали ноги, обещали возможность дышать здесь, на земле, но вышло так, что колдунья отправилась на жаркий костёр, а дочь Хозяйки Рыб попала в руки Короны. Что случилось с тем молодым человеком? Не знаю. Полагаю, ему заплатили. Возможно, его закопали.

...Хозяйка Рыб не вздрогнула, только под кожей, под плотью лица будто бы шевельнулись чужие кости.

«Никому не говори, что ты видел Хозяйку Рыб. Даже если видел».

– Вам она нужнее, чем мне. Я бы всё равно казнила отступницу.

– А я думал, ты обрадуешься подарку.

– Ты знаешь, сколько детей у рыб, – засмеялась Хозяйка.

Время утекало, как вода в песок. Солнце шло ко дну. За спинами, в лесу, собирались сумерки, и где-то там, пока далеко, звенел металл, топали кони, я почти слышал их.

– Тогда ты не будешь возражать, если мы заткнём дыру пробкой, чтобы она не смогла дышать, а эту проклятую бочку зароем в песок у тебя на глазах? – спросил я. Получилось хрипло.

– Как знаешь, Джек. Хоть поруби да посоли. Только ты ничего не успеешь зарыть в песок. Ты отнял этот сосуд с моей дочерью внутри у людей Короны, так? Зуб даю, что опережаешь ты их ненадолго. И уверена, что вас стало меньше, пока вы ехали через Квадратный лес.

«Долго говорить не давай». Я прервал её, но с трудом – голос нелюди, похожий на шорох волн по песку, на вечный шум моря в раковине, укачивал.

– Их тоже станет меньше.

– Я бы рыбий хвост не поставила на то, что их станет меньше, чем вас. Не знаю, как у вас на суше поступают с теми, кто перешёл дорогу королеве. Но у нас, – сказала она, глядя мне в глаза, и я отвёл свои от этих закатно-алых светящихся колец, – в воде, – сказала она, и я посмотрел на волны, где солнце захлёбывалось, край его уходил и гас, – за такое, – сказала она, и закричали далеко за спиной сороки, – рвут на части.

Это Валь де Маар мчался сквозь Квадратный Лес. В своей серебряной маске совы, в сером плаще, в капюшоне, низко надвинутым на лоб. Те, кто заглядывал ему в глаза, утверждали, что глаза у него птичьи. Те, кто здоровался с ним за руку, утверждали, что под перчаткой у него когти. Проблема с Валем была в том, что его не брала магия, только сила, а вот он магию – брал.

– Тогда, раз уж мы побеспокоили тебя зря, а время поджидает, позволь нам оказать тебе скорую услугу, – сказал я. – Лейв, разбей стекло и казни её.

Я наконец обернулся к своим людям. Лейв согласно кивнул, блики прошлись по забралу. Он редко поднимал его – лицо Лейва не нравилось никому, даже его коню.

Кто из нас блефует, подумал я. Кто-то из нас вообще блефует?

Клинок Лейва обрушился на стекло, с отвратительным воющим хрустом сосуд лопнул, вода выплеснулась, и тело полудевы забилося на песке. Она попыталась на руках подтянуться к воде, но Елиза пинком в бок отбросила её обратно. Битое стекло пропахало борозды в белой коже, голубая кровь, казавшаяся бутафорией, впитывалась в песчаный берег моментально. Запахло затхлым болотом.

Она попыталась что-то сказать, позвать мать, наверное, но только хлопала ртом и хрипела.

Я сжал кулак, останавливая Лейва через Знак, пока он не успел ещё раз поднять меч. Никто из моих людей не мог послушаться меня, выполняя всё, что я велел, словами или без слов.

Тихо зарычал морской конь. Почти неслышно, но чувство было, как будто кто-то пытается вынуть душу, или что там у меня вместо неё. Навалилась дурная тревога.

– А что ты хоть хотел-то за такой козырь? – спросила Хозяйка Рыб. – Если бы бывали карты меньше шестёрки, эта тянула бы на единицу. Но, может, ты какую-то мелочь хотел просить? Кусок доски? Бочку трески? М?

– Роза-Лину, – сказал я. – Я думаю, «Морская Коза» тогда пошла ко дну неспроста. А значит, ты была рядом. А значит, тех, кто потонул, забрала в своё царство. А значит, и Роза-Лина у тебя?

Хозяйка Рыб расхохоталась, разбудив птиц на опушке.

– Роза-Лину твою за эту дрянь?

«Ничего никогда не проси у Хозяйки Рыб, если тебе нечем её отблагодарить».

– А тебе-то она зачем? Её колдовство не действует в море, как и твоё на суше. Ещё одна служанка в твоих осклизлых тёмных чертогах?

– Чертог мой чист и светел, Джек, а Роза-Лина твоя, пожалуй, и правда не годится мне. Строптивая и уродлива.

Я сжал зубы. О, если бы я мог сделать хоть что-то, кроме того чтоб торговаться.

– Скажи, ведь ведьмоловы просто успели первыми? Ты же сам собирался посадить мою дочь в бочку, Джек? Чтобы было, что мне подарить?

Дочь Хозяйки Рыб хрипела на песке, истекала смрадной голубой жижей. Елиза наступила ей на живот сапогом и придерживала.

– Я привёз подарок. Дал жертву. Чего тебе ещё надо? Ты сама виновата, что дочь твоя задыхается в крови в паре ярдов от родного моря. Верни мне Роза-Лину, в том виде, в каком взяла, и забирай своё отродье. Пока не поздно.

– Будь так, – сказала она.

Солнце почти село. Стало холодно. Я готов был поклясться, что уже слышу погоню – не сорок, не лесной шум, а самого Валя де Маара на сером, как тоска, коне.

– Лейв, отдай, – велел я.

Елиза убрала сапог, и Лейв ногами перекатил рыжеволосую к прибою. Впрочем, подальше от морского коня.

Она очнулась в воде, поднялась на слабые руки, измученно глянула на нас сквозь грязные волосы, и поползла вдоль кромки, не уходя на глубину. Хозяйка Рыб наклонилась, протянула ей руку, та доверчиво подняла свою.

– Ну как, хочешь ещё ноги? – Спросила Хозяйка, стиснув долгопалой перепончатой ладонью бледное горло дочери. Нездорово мутные жабры трепетали под пальцами. Конь Хозяйки Рыб воротил морду – от рыбьей дочери несло людьми.

– Но у тебя же есть, – слабо возразила рыжая.

– Я добыла их, не унижаясь перед людьми.

– Верни мне моё, – сказал я, голос мой дрогнул, но мне было всё равно. Я увижу мою Роза-Лину, мою тоненькую, светлую, глазастую, горячую Роза-Лину, свет сердца моего, с колдовством в голосе, в глазах, в руках, во всём теле.

– Да, я знала, кто меня позвал и зачем, так что прихватила её с собой. Возвращаю. Такой, какой она попала в мои чертоги, – сказала Хозяйка Рыб, и набежавшая волна исторгла из глубины и выкатила мне под ноги бледную, мокрую, неподвижную Роза-Лину. Она не дышала, кожа её напиталась водой, белое тело отекло от соли, чёрные волосы позеленели от мелких

водорослей, в корсаже билась случайно угодившая туда серебристая рыба. Хозяйка нагнулась, схватила рыбу и отпустила в волну.

– Вот, – сказала она, пододвигая тело Роза-Лины ногой по мокрому песку, без усилий. Я упал на колени подле неё. Солнце село.

– Ты ошибся, думая, что корабль затонул не просто так. Что я взяла её, зная, что ты рискнёшь и спасёшь мою дочь, что у тебя одного хватит дури пойти против Короны. Нет, Джек Полсердца, «Морская Коза» пошла ко дну сама. Море велико. Когда я появилась, часть экипажа уже ели мои рыбы. Роза-Лина боролась как могла, но и она уже наглоталась воды.

– Но ведь ты говорила, что она служит тебе!

– Да. Я дала ей морское дыхание, как делаю, бывает, с теми вашими, кто идёт ко дну. Но ты просил – такой, какой она попала ко мне. Вот. Честная сделка, Джек.

Я зарычал, чувствуя горячие слёзы.

– Я же принёс жертву! Верни её живой, ты же можешь!

– Жертва, – сказала Хозяйка Рыб, – это корм для коня, не более того. Знак, что ты пришёл поговорить. Но, смотрю, у тебя ещё кое-что есть... Роза-Лина стоит четверых, а, Джек?

Мои люди пошли бы за меня в огонь и в воду. Не за мной, а за меня. Такова плата. Я платил им очень хорошо, только вот противиться моим приказам они не могли.

Я обернулся. Я молчал. Я разжал кулак и сделал жест.

– Джжжееэээ – завывла Елиза, красивый рот её повело, багровый шрам налился кровью, она пыталась поднять на меня меч, но не смогла. Ньял заплакал крупными слезами, молча.

Вперёд, приказал я. Не вслух – не хватило духу.

– Будь ты проклят, Джек Полсердца, – прорычал Лейв, заноса тяжёлый клинок. Тот задрожал, вывернулся из ослабевшей руки, воткнулся в песок.

У вас всего лишь сменился хозяин, хотел сказать я. Но, конечно, не сказал.

Ноэ, младший, молчал. Он первым и шагнул к морю.

Знаки на лбах моих людей кровоточили. Им тяжело давался мой последний приказ.

...Высокий Лейв скрылся последним. Он поднял забрало, вывернул шею и прожигал меня взглядом, пока вода не залила глаза.

– Бывай, Джек, – сказала Хозяйка Рыб, усаживаясь на коня и укладывая измученную дочь поперёк его спины. – А, да, чуть не забыла.

Она хлопнула в ладоши, и Роза-Лина выгнулась дугой, выплюнув фонтан воды.

– Дальше сам, – сказала Хозяйка Рыб, обернувшись над водой. – Одно скажу – не имей со мной больше дела, Джек. Ты плохо ведёшь дела.

Море скрыло её, и я отвернулся от моря.

Тихо закашлялась и заплакала на песке Роза-Лина.

Я опёрся на клинок Лейва и тяжело встал, глядя в сторону Квадратного леса, откуда цепью летели ко мне всадники.

Бартер Мара Гааг

– Едут, Бойко, едут! – волновалась Мария. Шурилась на дорогу, то и дело дергала за рукав мужа. – Смотри, вон!

– Да рано еще, – пробурчал Бойко. – Тебе кажется.

– Не кажется! Смотри, пыль столбом.

Надрывно завыл на цепи Дунай.

– И ты туда же! А ну цыц! – рявкнул на него Бойко. Исполинских размеров пес послушно умолк и лег, положив морду на лапы. Взгляд его, как и хозяйкин, не отрывался от горизонта, а кончик пушистого хвоста нервно подергивался.

– Зачем на цепь Дуная посадил? – в десятый раз спросила Мария. – Он не привык, грустит вон. Обидится же.

– Чтоб не напугал гостей. – В десятый раз ответил Бойко, с трудом скрывая раздражение. – Цапнет кого – и все, не видать нам сделки.

– В сарай бы запер.

– Дверь выбьет. Как будто не знаешь.

– А погреб? В погребе убрано?

– Ничего не найдут, не бойся.

– Все равно страшно.

Головокружительно высоко заскрипели макушки сосен. Мария прислушалась к ним, кивнула в ответ. Потом вздохнула, заправила за ухо седую прядь, выдернутую из прически ветром. Бойко смягчился. Перехватил ее руку, ласково погладил выступившие на коже мурашки. Осенними вечерами на террасе становилось прохладно, из леса выползала сырость и укутывала дом пахнущим грибами туманом.

– Пойдем внутрь, ты замерзла.

– Нет. – Мария мотнула головой. – Хочу сразу увидеть, как приедут.

Бойко раздосадованно крикнул. Ушел в дом, вернулся с пледом и бережно укутал жену.

– Может, ну этот город? – Мария склонила голову к его плечу. – Давай скажем, что передумали.

– Перестань. Мы же решили. В городе будет лучше, там больниц много, магазинов.

– И людей.

Бойко промолчал, обнял Марию и прижал к себе. Темнело. Наконец на грунтовой дороге вспыхнули огоньки автомобильных фар. Приближались, увеличиваясь в размерах, как глаза неведомого чудовища.

– Теперь точно едут, – прошептала Мария и крепче прижалась к мужу. Дунай заскулил. Гремя цепью, спрятался за кустом шиповника.

– Пусть привыкает, – ответил Бойко на незаданный вопрос жены. – В городе ему все время на поводке ходить придется.

Машина затормозила у крыльца, вмяная в землю мелкие камешки и проросшую сквозь них траву. Три двери одновременно распахнулись.

– Подъезда к дому нормального нет, я предупреждал, – сказал риелтор, высокий мужчина на водительском сиденье.

– Странно, что забора нет, – отозвался второй, вылезая из салона. Сразу достал из кармана вейп и затянулся. – Это в лесу-то. Ну да ладно, поставим.

Бойко отпустил жену, нащупал привычно выключатель на стене и щелкнул тумблером. Загорелись лампы между фигурными деревянными колоннами.

– Ух ты! – Блондинка в спортивном костюме резво выпрыгнула из автомобиля и замерла, запрокинув голову.

Мария взгляделась в лицо гостыи. «Нет, не гостыи, – поправила она себя и вздрогнула от этой мысли. – Будущей хозяйки». Каким она сейчас видит дом? Уютным загородным гнездышком? Антикварной громадиной, невесть откуда взявшейся посреди леса? Что она захочет с ним сделать: оставить как есть, разобрать, перекрасить? Пальцы против воли крепко вцепились в резные перила террасы. Бойко, почувствовав смятение жены, взял ее за руку:

– Пошли. Надо поздороваться.

– А вот, кстати, хозяйева! – Водитель наконец обратил внимание на супругов, спустившихся с крыльца, и приветственно помахал рукой. – Познакомьтесь, Боян и Мария. Решили на пенсии оставить хозяйство и перебраться в город. А это, – он махнул рукой в сторону, где стояла приехавшая молодая пара, – Андрей и Кристина. Они, наоборот, хотят жить ближе к природе. Можно сказать, вы удачно нашли друг друга.

Кристина широко улыбнулась, продемонстрировав неестественно белые зубы. Лицо Андрея утопало в дыму от парогенератора. Мария кивнула им в знак приветствия, стиснула руку Бойко в своей.

Заворчал недовольно под шиповником Дунай.

– У вас собака там? – Блондинка отпрыгнула в сторону. – Мне ничего не говорили про собаку, а у меня аллергия.

– Не бойтесь, – подал голос Бойко. – Это наш старый пес, и он на цепи.

– Вы же его с собой заберете, правда? – Кристина нервно хихикнула. – Нам такой не нужен.

Повисла неловкая пауза.

– А пойдете в дом? – предложил водитель. – Мы долго ехали, самое время поужинать и отдохнуть, а завтра с утра осмотрим все как следует.

– Конечно, – согласился Бойко и вместе с Марией поднялся обратно на крыльцо.

– Они мне не нравятся, – жалобно шепнула Мария.

– Ты просто волнуешься, – вполголоса ответил Бойко. – И потом, какая разница? Не тебе понравиться должны.

Стол на пятерых сервировали заранее, осталось выставить закуски и томящегося в духовке целиком гуся. Мария сразу свернула на кухню, Кристина увязалась за ней.

– А вас как называть лучше, баба Маша или по отчеству? – спросила она. От Марии не укрылось, как вспыхнули ее глаза при виде вилок и ложек. Накануне Бойко начистил потемневшие столовые приборы так, что те едва не светились.

– Не серебро, – поспешила разочаровать гостью Мария. – Нержавейка советская.

– Все одно, антиквариат. Так как вас называть-то?

– Мария лучше всего.

– А, вы ведь не наша русская Маша, точно, – сообразила Кристина. – У вас там, наверное, уменьшительных имен-то нет.

– Почему нет, есть, – ответила Мария, передавая ей сложенные треугольниками льняные салфетки. – Просто мне не нравится. А вот Боян мой любит, когда его Бойко зовут, а не полным именем.

Кристина отнесла в столовую приборы и салфетки. Перепоручив раскладывать мужу, сразу вернулась. Мария выдавила улыбку: «Надо быть дружелюбнее. Нормальные они, просто чужие, вот сразу и не понравились. Любопытные, конечно. Люди всегда любопытные».

– И вы, значит, из Румынии приехали сюда? – продолжила допрос Кристина.

– Из Болгарии, – поправила ее Мария. – Да и было это так давно, что не считается. Помогли с противнем. – Мария распахнула створку духовки, выпустив пряный и горячий пар.

– О, как пахнет! – выдохнула Кристина. – Невероятно! Скорее бы попробовать! Тоже хочу так научиться готовить. А вы кулинарную книгу свою, часом, не оставите?

Вместе они переложили гуся на фарфоровое блюдо, но сразу унести его Мария не позволила.

– Обожди. – Она взяла нож, бросила взгляд в сторону столовой и, убедившись, что Бойко не смотрит, быстро отсекала гуся голову.

– А зачем тогда с ней готовили? – удивилась Кристина. – Отрезали бы сразу. Или это рецепт такой?

– Голова Мамниче¹ положена. Чтоб дома ладилось, все здоровы были, лиха не знали, – прошептала Мария.

– Чего? – Кристина удивленно подняла бровь.

– Мамниче-хранителю, – терпеливо повторила Мария, – всегда ему голову надо отдавать, когда тушу готовишь. Такая традиция.

– А, типа домового, что ли? – Кристина заулыбалась.

Мария снова глянула в сторону столовой. Бойко был занят: рассказывал Андрею, как правильно топить камин.

– Пойдешь со мной Мамниче кормить?

Кристина кивнула, заинтригованная.

– Куда? – окликнул Бойко, когда женщины шмыгнули мимо к дверям.

– Сад покажу. – Мария спрятала гусиную голову в рукав.

– В темноте? – нахмурился тревожно Бойко. – Может, лучше завтра?

– Да пускай! – Андрей фамильярно хлопнул его по плечу, отчего Бойко вздрогнул. – Моя тоже цветы любит, все подоконники заставила. Теперь будет где с ними возиться.

Мария провела Кристину мимо цветника, на который падал свет от горящих на террасе ламп. Дальше сад тонул в лесной ночи. Сразу заворочался под кустом Дунай, заскулил.

– Тебе потом принесу поесть, – пообещала ему Мария. – Сиди тихо.

– Куда идем-то хоть? – Кристина достала из кармана телефон, включила на нем фонарик и направила луч на деревья, отмечающие границу участка. – Тут тьма такая, даже тропинки не видно.

– Убери. – Мария заслонила свет. – Спугнешь. Постой пять минут, пусть глаза привыкнут.

Она первой прошла к деревьям, села на корточки и протянула руку с лежащей на ладони гусиной головой:

– Мамниче, ела да се покажеш², приходи, возьми угощение. За работу твою, за защиту дома прими благодарность.

По земле зашуршало. Трава качнулась, задвигалась. Лес выдохнул – прелыми листьями, подмерзшим болотом, тошнотворно сладкой гнильцой, как из хищной пасти.

– Так... – занервничала Кристина и отступила на шаг. – Честно скажите, вы тут зверье какое-то лесное прикармливаете? Надо было раньше предупредить, я животных не люблю, у меня аллергия...

– Тихо! – шикнула Мария, подвинула ближе к земле раскрытую ладонь с угощением.

Черная треугольная голова показалась над травой. Блеснули в темноте хищные глаза. Змея потянулась к руке Марии, но замерла, заметив рядом чужую. Угрожающе зашипела, спружинилась.

¹ Мамниче (болг.) – мифологический персонаж, дух-опекун у южных славян.

² Мамниче, приди покажись. (болг.)

Кристина взвизгнула. От неожиданности Мария выронила гусиную голову. Зашелся хриплым лаем Дунай. Змея исчезла, а к женщинам уже бежали со стороны дома: Андрей, освещающая путь телефоном, потом агент по недвижимости. Позади всех, ссутулившись, шел Бойко.

– Что случилось, что такое? – Андрей схватил Кристину за плечи и несколько раз встряхнул.

– Змея! Фу! – снова взвизгнула она.

Бойко взглянул на жену. Мария опустила глаза. Гусиная голова осталась лежать в траве.

– Тут же лес, ну серьезно! – Андрей раздраженно толкнул Кристину на дорожку, ведущую к дому. – Договорились же, что не станешь из-за всякой крысы истерить...

– Это не крыса, это гадюка! Я видела! А если укусит?

– Идем. Это все решаемо, от змей потом избавимся.

– Ну зачем? – тихо спросил Бойко у Марии. – Не потерпеть было?

– А вдруг опять не получится? Хотела сразу проверить. Чтобы не надеяться зря.

– Потерпи. Всему свое время.

Мария обиженно засопела.

– Мы всё решили. – Напомнил Бойко. – Всё давно спланировали.

– Знаю. Прости меня.

Дунай высунул нос из кустов и жалобно заскулил. Мария дернулась, но Бойко ласково подтолкнул ее к крыльцу:

– Сам пса покормлю. Иди в дом.

Молодые люди уже сидели за столом. Кристина уплетала пирог и с восторгом поглаживала золоченый край фарфоровой чашки, как будто не визжала от страха несколько минут назад.

– А посуду оставите? – заискивающе спросила она у Марии. – Или с собой заберете?

– Оставляю. – Мария села на стул, взяла кусок пирога. Покрутила в руках, но есть не стала, вернула на тарелку. – Хорошо, что вам нравятся старые вещи. О них надо заботиться.

– В квартире тоже посуда есть. – Поспешил вмешаться Андрей. – попроще, конечно, современная.

– Да-а-а! – протянула Кристина с набитым ртом. – Классный «икеевский» набор, кстати, очень практичный.

Бойко хлопнул входной дверью, с кряхтением разулся и прошел к столу. Положил руку на плечо Марии.

– Надеюсь, ужин вам понравился, – обратился он к гостям. – Как закончите, поднимайтесь наверх. Мы подготовили спальни на втором этаже.

– Так сразу? – разочарованно спросила Кристина. – А дом показать?

– Я, например, устал и спать хочу. А дом осмотрим с утра, – сказал риелтор, с аппетитом вгрызаясь в гусиную ногу. – Если все устроит, сразу подпишем бартерный обмен.

– А вы квартиру сначала не хотите посмотреть? – спросила Кристина, но Андрей толкнул ее локтем. Мария отвела глаза. Бойко сделал вид, что не заметил.

– Видели фотографии. Нас устраивает. В нашем возрасте много места не надо.

– А наследники? Внуки? Они не против?

– Прямых наследников нет, я же упоминал. – Риелтор вытер жирные пальцы о салфетку. – Сделка чистая.

– Повезло нам, – заулыбалась Кристина и получила еще один тычок от мужа. – Мы, кстати, тоже чайлдфри.

Мария и Бойко молча переглянулись.

– Ну что, все наелись? – Андрей поспешил разрядить обстановку. – Давайте с уборкой поможем.

– Не надо. – Мария встала из-за стола. – Бойко вас наверх проводит, покажет спальни. А я тут сама управлюсь.

В кровати Мария ворочалась. Сон не шел.

– Спишь? – спросила она Бойко и зашептала, не дожидаясь ответа. – А мне страшно. Если Мамниче не понравятся? Если не подойдут? Если...

– Завтра узнаем. Спи, душа моя.

– Не могу. Пойдем по саду погуляем.

– Нельзя. Напугаются, если увидят. Вот приедем в город и там погуляем по-настоящему.

Везде, где захотим. Потерпи.

Он молча притянул ее к себе. Мария несколько минут лежала неподвижно, потом поцеловала мужа в щетинистый подбородок и села.

– Пить хочу.

– Нечего, пусто в погребе. Забыла?

– Я воды глотну, помогает. Тебе принести?

– Не надо.

Нащупав босыми ногами тапочки, Мария встала. У двери оглянулась на Бойко:

– Я скоро вернусь.

Мария шла медленно, опираясь рукой о стену. Чувствовала все неровности, каждый выступ и трещинку в перегородках. Дом казался родным, как собственная плоть и кровь, отзывался теплом в пальцы.

У лестницы автоматически включилась лампа, реагируя на движение. Бойко поставил ее тут пять лет назад, после того как Мария едва не упала со ступенек в темноте. Старость медленно выедала из тела ловкость и силу. Мария вздрогнула, поймав собственный взгляд в настенном зеркале. Зрение тоже ухудшилось, но глаза оставались пронзительно голубыми, почти прозрачными, как много лет назад. Только кожа вокруг покрылась сеткой мелких морщин, будто фарфор трещинками.

– Ох, Бойко, – прошептала Мария, отводя глаза от зеркала. – А правильно мы решили? Точно надо нам в город, стоит оно того? Тут все свое уже, безопасное. А там поди знай.

Сердце сжалось от предчувствий. Пить расхотелось. Она повернула обратно к спальне, свет на лестнице щелкнул и погас. Мария остановилась, прислушиваясь. Показалось, скулит в саду Дунай, не привыкший к цепи. А потом донеслись до ушей приглушенные голоса со стороны гостевой спальни.

Не сдержав любопытства, Мария на цыпочках подошла к двери.

– Стремно как-то, – говорила Кристина вполголоса. – И старики эти стремные. Ну ладно собака, фиг с ней, в деревнях у всех собаки. Но змея, говорю тебе, я видела. Нормальная бабка станет змею прикармливать?

– Какая разница? – лениво пробурчал Андрей. – Они завтра умотают со своими порядками, пса заберут, а остальную живность мы быстро разгоним. Забор поставим, замки повесим.

– Что-то с ними не так, понимаешь? С этими румынами.

– Болгарами.

– Да одна фигня.

– У тебя паранойя. Старики как старики. Ну чудят. Еще бы, если в лесу всю жизнь просидеть, не так зачудишь.

– А зачем она мне про вилки сразу сказала, что нержавейка, а не серебро? Я даже не спрашивала, просто посмотрела, а она сразу...

– Может, испугалась, что ты стырить решила. Все, я спать.

– Зачем мне красть, если они и так всё оставляют?

Характерно скрипнула кровать – Андрей перевернулся на другой бок, отворачиваясь от жены:

– Хорош. Давай спать.

– А еще тут странно пахнет. – Не унималась Кристина. – Неужели не чувствуешь? Я, пока разувалась, почуяла от досок на полу и потом еще на кухне. Как будто мертвечиной из подвала. Запах старый, застоявшийся. Его ни с чем не спутаешь.

– Да ладно! – снова затрещал старый матрас, Андрей сел на кровати. – Черт, я думал, мне показалось... Парилка нюх здорово сбивает. Чего сразу не сказала?

Мария зажала рот руками и отступила от двери. Предательски скрипнула половица под ногой, как будто дом вместе с хозяйкой испугался и потерял осторожность.

В гостевой спальне повисла тишина. А потом дверь резко распахнулась. Кристина стояла на пороге в комбинации, кружевные бретели которой странно контрастировали с не по-женски мускулистыми плечами.

– Тоже не спится? – спросила она Марию, и выбеленные зубы блеснули в улыбке. – Или привычка такая, по ночам бродить?

Мария опустила взгляд в пол, чтобы не смотреть ей в глаза. Попятилась мелкими шагами, замотала головой.

– Крис! – резко окрикнул Андрей из комнаты. Улыбка сползла с лица Кристины, и девушка медленно закрыла дверь.

Мария метнулась в спальню. Выдохнула с хрипом:

– Бойко! Бойко, они знают!

– Чего еще? – засопел недовольно муж, просыпаясь.

– Знают! Приезжие!

– Про Мамниче?

– Нет, про погреб! – Мария забралась на кровать в тапочках, схватила Бойко за руку и сильно сжала. – Про трупы!

Бойко сел. Недовольно потер лицо, поскреб ногтями щетину на подбородке:

– Может, почудилось тебе, душа моя? Да и не найдут там ничего.

– Она сказала, что почуяла запах. И он тоже. Клянусь, Бойко! Что делать? Где прятаться?

– Зачем прятаться? – нахмурился Бойко. – Что ты задумала еще?

– А вдруг они... охотники?! – выплюнула Мария ненавистное слово.

Бойко посмотрел на перепуганное лицо жены, перевел взгляд на дверь:

– Не войдут сюда охотники, Мамниче не подпустит.

– А вдруг он рассердился на нас, что уехать хотим? И впустил!

Бойко принюхался, широко раздув ноздри:

– Быть не может.

В коридоре заскрипели половицы. Дунай под окном зашелся в яростном лае и резко умолк.

– Они идут, – прошептала Мария. – Слышишь?

– Тут посиди. – Бойко встал, расправил плечи. – А я разведую пока.

– Нет! – Мария с неожиданной для старой женщины прыткостью метнулась к выходу из спальни. – Не пушу одного!

Ручка щелкнула. Дверь плавно открылась.

Мария не выдержала первой: зашипела, выпуская из десен острые, длинные, как у гадюки, клыки. Следом ощерился Бойко, широко расставил руки, готовый напасть.

Из темноты на супругов смотрели две пары горящих желтым огнем глаз.

– Упыри! – рыкнул недоуменно массивный зверь и опустил занесенную для удара лапу.

Второй, чуть мельче, от неожиданности тьякнул.

– Волколаки! – удивился Бойко.

В наступившей тишине четверо замерли друг напротив друга.

Потом раздались шлепки босых ног:

– Эй! Вы это слышали?

Вспыхнула лампа с датчиком движения. Риелтор остановился посреди коридора, прикрыв рукой глаза. Две черные фигуры – длинные звериные морды, шерсть дыбом на бугрящихся под кожей мышцах – метнулись в тень, царапая когтями половицы.

Риелтор убрал от лица руку и часто заморгал. Посмотрел на неподвижно стоящих в дверях спальни супругов:

– В доме зверь. Вы его видели?

– Нет. Здесь только мы. – Бойко загородил собой жену. – Вернитесь в постель, завтра рано вставать. И тише, пожалуйста.

Риелтор облизнул пересохшие губы:

– Я слышал странные звуки. Слушайте, наверное, кто-то забыл дверь закрыть внизу. Вот животное на запах еды и забрело... Вдруг это волк? Или даже медведь?

Он умолк, втянул голову в плечи, медленно осмотрел коридор. Взгляд остановился в темном углу возле окна:

– Твою мать! Вот он, вот же! Стойте тихо, не двигайтесь. У меня кое-что есть, сейчас...

Дрожащая рука потянулась за спину. Одна из теней в углу дернулась и глухо заворчала.

– Не надо! – вскрикнула Мария и рванулась вперед, но Бойко ее удержал. – Это... это наша собака, Дунай!

Словно услышав свое имя, Дунай под окном зашелся истеричным воем. Звякнула натянутая до предела цепь. Риелтор нервно дернулся:

– Спрячьтесь. У меня есть оружие. – Не сводя глаз с темного угла, он поднял короткоствольный пистолет.

– Всегда с собой пистолет носите? – спросил сердито Бойко. – Вы не предупреждали об этом, когда с нами о приезде договаривались.

– У меня лицензия. Не бойтесь, хорошо стреляю. Главное, стойте где стоите.

– Не надо! – еще раз попросила Мария. – Пожалуйста, вернитесь к себе, мы сами...

Силуэт в тени угрожающе двинулся, увеличился в размерах и разделился надвое.

– Твою ж... – выдохнул риелтор и пальнул. Утробный рык в углу смешался с коротким взвизгом. Мария не выдержала, зашипела громко, как дикая кошка. Черты лица исказились: обострились скулы, неестественно вытянулась челюсть, полная нечеловеческих зубов, сверкнули красным пламенем глаза.

– Нельзя с оружием в мой дом! – От крика зазвенели стены.

Риелтор снова выругался. Руки у него затряслись, ствол пистолета дернулся в сторону:

– Вы... вы... что...

Бойко молниеносно оказался рядом. Вышиб из руки пистолет и одним движением свернул мужчине шею. Оглянулся на жену:

– Не охотник он. Зачем себя показала?

– А зачем он стрелял? – огрызнулась Мария, и ее лицо тут же вернуло себе человеческие черты. – Разве с оружием в чужой дом ходят?

Бойко хмыкнул. Посмотрел в сторону выступивших из тени оборотней:

– Целы?

– Может, и не охотник, а стреляет нормально, – прорычал Андрей и выплюнул пулю. Глухо звякнув, она покатилась по полу. – Хорошо, что не серебро.

– А у нас тут нет нигде серебра. – Мария отвела глаза, чтобы не смотреть, как деформируется мохнатая туша волколака, возвращаясь к человеческому облику. – Безопасное все.

– А зеркала как же? – тихо спросила Кристина. Звериные черты растаяли, как воск, кожа влажно блестела. Клок черной шерсти, прилипший к щеке, она небрежно стряхнула на пол, а

наготу прикрыть и не подумала. – Разве вы в зеркалах отражаетесь? Да и не похожи вы, баба Маша... То есть Мария... Упыри стареют?

– Случается, что стареют, – ответил за жену Бойко. – А зеркала раньше другие были. С серебром. Вы зачем напасть хотели? Что вам не понравилось?

– Поесть бы. После обращения аппетит зверский, – перевел тему Андрей, взял Кристину за руку и повел к спальне. – И это... Извините. – Он указал в сторону неподвижного тела. – Мы думали, он крепко спит и нас не заметит.

– Встретимся в столовой, там и поговорим, – согласился Бойко, взваливая труп на плечо. Потом оглянулся на Марию: – Оденься, душа моя, и спускайся тоже. Ты пить хотела. Сцежу кровь, пока не остыла.

На этот раз атмосфера за столом была иная. Мария откинулась на спинку стула, пила из бокала маленькими глотками. Бойко осушил свой залпом и теперь сидел неподвижно, рассматривал гостей. Андрей без стеснения доедал остывшего гуся, и только Кристина выглядела смущенной: теребила пальцами край скатерти, уворачивалась от прямых взглядов.

– Спросить хочешь – так спрашивай, – сказал ей Бойко, когда она в очередной раз отвела глаза.

– Вы про нас сразу поняли? – не стала тянуть Кристина. – Встречали раньше обратной?

– Встречал, – ответил Бойко. – С сородичем вашим всю войну бок о бок прошел, верный был товарищ. Вас, правда, сразу не признал. Старый стал, чутье не то уже. А душа моя, – он глянул на Марию, усмехаясь, – так вообще решила, что вы охотники и убить нас пришли.

– А запаха и нет! Мы его давно научились скрывать. Крис маслами всякими пользуется, а у меня – вот... – Андрей достал из кармана вейп и положил на стол. – Этот дым кому хочешь чуйку перебьет.

– Умно, – согласился Бойко. – А главное, работает.

– Я про вас сразу поняла. – Кристина снова занервничала и смяла в руке льняную салфетку. – Ну то есть не то, что вы упыри... а вообще, что нелюди. Непонятно было, зачем вам тогда в город... и дом такой большой на квартиру менять. Вот мы и... мало ли.

– Трупы в подвале, значит, все-таки были? – Андрей покосился на бокал в руках у Бойко. – Честно скажите: случайно захожие или вы их специально отлавливали?

– Захожие, – соврал Бойко не моргнув глазом и поставил пустой бокал на стол.

Во дворе снова завыл Дунай. Мария посмотрела на мужа, вздохнула:

– Жалко пса. Давай в дом впустим.

– Ой, не надо, пожалуйста! – Кристина замотала головой. – Нас зверье не любит, сами понимаете. Особенно собаки! И что теперь с нашим бартером будет? Раз агента по недвижимости вы уже допиваете.

– А что будет? Мы по-прежнему в город перебраться хотим. Так ведь, душа моя? – Бойко взглянул в глаза жене. Мария поджала губы и не ответила.

– Договор составлен, с печатями. Подписи надо поставить. – Андрей огляделся, высматривая портфель риелтора. – Скажем, что наш агент укатил сразу, а куда – знать не знаем. Вот только с машиной что делать?

– Неподалеку озеро есть, – сказал Бойко. – А вокруг болото топкое. Там точно искать никто не будет.

– Тогда решено! – Андрей протянул через стол ладонь для рукопожатия. – Сделаем, пока не рассвело. А потом документы подпишем.

– Ничего не решено пока! – занервничала Мария. – Нам бы обговорить сначала наедине, раз вы не люди оказались... Свои вроде как. А какие сделки со своими?

– Нечего обговаривать, – перебил ее Бойко. Сверкнув глазами, протянул руку Андрею в ответ. – Так даже лучше.

– И я так думаю. – Андрей широко улыбнулся. – Со своими дело проще иметь, чем с людьми.

Мария горестно вздохнула, подчиняясь решению мужа.

– Лучше так лучше, как скажешь, любовь моя.

– Вы так и не ответили, зачем вам в город, – вмешалась Кристина. – Разве тут нелюдям не безопаснее?

– Пора за дело. – Бойко встал из-за стола, оставив без ответа заданный вопрос. – Мы приберемся и документы подпишем. А вам, хозяйшки, – он стрельнул глазами в сторону Марии, – тоже есть чем заняться.

Оживленно переговариваясь, как старые знакомые, мужчины оделись и покинули дом. Мария не спеша убрала со стола, сложила грязную посуду в раковину, напоследок слизнув с края бокала подсохшую кровь.

– Вас не раздражает, когда он командует? – спросила ее Кристина.

– Кто?

– Ну, муж ваш. Вы вроде хотели что-то еще обговорить, а он сам решил, и все.

Мария отвела глаза:

– Когда любишь, не грех и послушать иной раз любимого. Не всё же на себя одеяло тянуть.

– Вы, наверное, долго уже вместе?

– Долго.

– Счастливы?

– Да.

Пока Мария гремела посудой, Кристина с нескрываемым любопытством осматривала кухню.

– А это что? – Она дотронулась пальцем до стоящей на полке кованой фигурки. Змея выползала из разбитого яйца, закручивалась восьмеркой и скалила острые зубы. – Оберег какой-то?

– Символ Мамниче. – Мария закончила с посудой и вытерла руки о полотенце. – Того, кто от беды хранит, охотников отведет от дома, с голоду умереть не даст. Он много лет нас берег.

– Это вы ему в лес голову гуся носили, значит?

– Да.

– И как вы без него в городе будете? Не заберете же с собой.

– Любопытная ты какая! – вздохнула Мария. – А вот дай я полюбопытствую тоже. Скажи, как у вас, волколаков, со здоровьем? Сколько живете, скоро ли старитесь?

– На здоровье не жалуемся, – хмыкнула Кристина. – Живем долго. Болезни не берут. Ну старимся, да. Но тоже не как люди, гораздо позже.

– Это хорошо. – Мария склонила голову набок, рассматривая девушку. – И тела у вас сильные. Прав Бойко, вы лучше подходите.

– Подходим для чего? – не поняла Кристина.

– Для жизни здесь. Не заберем мы Мамниче. Оставим. Это часть дома, а раз дом будет ваш, то и Мамниче тоже.

Кристина снова занервничала, опустила глаза:

– Слушайте, баба Ма... То есть Мария. Вы мне тогда расскажите про этого своего Мачи... как...

– Мамниче.

– ...как с ним ладить. Потому что мы тоже так хотим жить, как вы. Долго и в согласии.

– Ладно, – кротко согласилась Мария, словно только этого и ждала. – Одевайся, пошли.

– Прямо сейчас? Куда?

– Ты хочешь стать хозяйкой этого дома. Чего тянуть?

- Хочу. Но, может, Андрея подождать?..
- Это женская часть сделки. У них – своя, мужская.

На этот раз Мария повела Кристину дальше, в глубь смыкающегося с лесом сада. Рассветные сосны пахли приближающейся осенью, сыро и сладко; скрипели пушистыми верхушками, словно переговариваясь вполголоса. Мария слушала их и кивала.

– Участок какой большой! После города кажется, что половина леса, а не сад. А сколько лет дому? – спросила Кристина, ежась от утренней прохлады. – Выглядит старым. Не подумайте, я не придираюсь. Чтобы знать, что ремонтировать. Забор все равно будем ставить, можно сразу еще кое-какие стройматериалы прихватить...

– Не знаю, – отозвалась Мария, не глядя на свою спутницу. – Его не мы построили. Когда приехали, он такой же был, как сейчас. Ты не бойся, дом крепкий, зачарованный. Мы с Бойко ведь его не просто так во владение получили, а тоже меной. По-другому его передать нельзя.

– Вот как? – удивилась Кристина. – А на что вы его обменяли?

Мария остановилась, потом прислонилась к широкому сосновому стволу:

– Знаешь, как появляется Мамниче? У нас на родине говорят, что ведьма должна взять яйцо черной курицы, обкатать им мертвого младенца, но чтоб тому было семь месяцев, ни днем больше, ни днем меньше. А потом носить это яйцо под мышкой сорок дней. Тогда из него вылупится Мамниче.

Кристина недоверчиво хмыкнула, а Мария продолжила:

– Сначала Мамниче слабый, как ребенок. Ведьма его кормит своей кровью и коровьим молоком. Чем старше и сильнее ведьма, тем могущественнее будет Мамниче.

– А потом?

– Находит хозяина. Заключает договор. Как с нами много лет назад. Сделка не навсегда, ее можно разорвать.

– Звучит вроде не страшно. И что нам нужно будет ему взамен отдать?

– Только тебе. Пустяк, разговоров не стоит. Будешь с мужем жить долгие годы в согласии, сытости и безопасности. Мамниче все для вас сделает. Исполнит твои желания. Но помни, что всякому новому желанию есть цена.

– Поэтому вы состарились? – догадалась Кристина. – Заплатили ему за что-то молодостью!

– Да. Но тебе это не грозит, если не станешь просить о сложном.

– Например?

– Например, оживить мертвого.

– Он и такое может?! И кого вы попросили оживить?

Мария оттолкнулась от сосны. Села прямо на мокрую от росы траву, расправив юбку. Жестом указала Кристине сесть рядом.

– Пса своего, Дуная.

– Вы отдали молодость за жизнь собаки? – поразилась Кристина. – И свою, и мужа?

Мария вздохнула:

– Не важно. Ведь ты не станешь о таком просить, ты другая. Что бы сейчас ни произошло – не пугайся. Это и будет договор, который свяжет тебя с Мамниче.

Кристина собиралась спросить что-то еще, но Мария приложила палец к губам. Потом зашептала нараспев, и лес, казалось, повторял за ней шуршащим эхом каждое слово:

– Ела и ме пусни. Доведох ти нова господарка, млада и силна. Приеми я, погрижи се за нея и ме остави да си продължа по пътя³.

³ Приди и отпусти меня. Я привела тебе новую хозяйку, молодую и сильную. Прими ее, заботься о ней, а меня отпусти восвояси. (болг.)

На рассветное солнце набежали тучи. Мелко задрожали листья на деревьях. Из нутра леса дохнуло гнилью и прелостью, земля перед женщинами дрогнула и выпустила из себя треугольную голову змеи.

– О боже... – пробормотала Кристина и подалась назад, но Мария вцепилась ей в плечо, не давая встать.

Мамниче, извиваясь, выбрался на поверхность. Комья сырой земли ссыпались с черного глянцевого тела, веки задрожали, а потом распахнулись ярко-желтые глаза. Приподнявшись на конце хвоста, змея оказалась напротив лица Марии.

– Пусни ме... пусни... – зашептала Мария и вдруг резко толкнула Кристину вперед, так, что та едва не упала лицом на землю. – Возьмете я, кыщата вече й принадлежи⁴.

Мамниче зашипел. Медленно, скручивая туловище кольцами, изогнулся и посмотрел в лицо Кристине. Девушка зажмурилась.

– Размяна⁵, – выдохнула Мария и дернула Кристину за руку. – Скажи ему, скажи сама, что согласна! Сделка!

– Сделка... – едва слышно повторила Кристина, не открывая глаз. – Я согласна.

Змея плавно моргнула. А потом резко метнулась и укусила Кристину за запястье.

От неожиданности девушка взвыла и упала на спину, задергалась в конвульсиях. Мария изо всех сил прижала ее за плечи к земле, не давая ускользнуть. Змея погрузила зубы глубже в плоть, выпустила яд. А потом медленно отползла, снова погружаясь под землю.

Когда мох сомкнулся над змеиной головой, Мария не сдержала всхлипа, отпустила Кристину и поднесла ладони к лицу. Старый, переспелый яд выступил через поры на морщинистой коже. Как пожелтевший бисер, блеснул в лучах вновь появившегося в небе солнца и стек вниз, будто живой, где его тут же поглотила земля.

Кристина застонала, поднимаясь. Мария бережно подхватила ее за локоть, но девушка сбросила с себя чужую руку.

– Не трогай... меня... – прорычала Кристина почти по-звериному. Взбугрились мышцы на спине, силясь обратиться, выступила черная шерсть. Мария на всякий случай отстранилась, замерла поодаль. – Ты знала... знала! И не сказала! – Кристина, тяжело дыша, поднялась на ноги. От яда ее зрачки расширились, тело сотрясала дрожь. – Знала, что он укусит меня... попытается убить!

– Но ты не умрешь. – Мария склонила голову, признавая свою вину. – Пока остаешься на этой земле и в этом доме. Мамниче теперь служит тебе и твоему мужу. Твоей семье и всем, кого ты назовешь семьей.

– Что это значит? – Кристина оперлась о древесный ствол. Дыхание выровнялось, но руки и ноги все еще дрожали. Волколачье тело справилось с ядом, приняло сделку.

– Значит, здесь вы будете счастливы и в безопасности. Взамен ты не сможешь покинуть это место. Шаг за пределы – и яд Мамниче начнет действовать. Это цена договора. Если бы я сказала, ты бы не согласилась. Мне жаль. Но иначе нам с Бойко отсюда не уехать. Мы уже пробовали, ничего не выходило. Люди яда Мамниче не выносят. Бойко прав, нужен был кто-то из своих. Нелюдей. На этот раз нам повезло.

– Те трупы в подвале... Не ваших жертв, верно? Тех, кого вы подсовывали этой змее, когда пытались разорвать договор.

– Не только, – сказала Мария. – Все же мы упыри, не забывай. Но ты умная. Будешь хорошей хозяйкой. Заботься о доме, я очень любила его.

Кристина фыркнула зло, как будто плюнула. А потом, качаясь, побрела в сторону дома. Мария, держась в стороне, последовала за ней.

⁴ Возьми ее, дом теперь принадлежит ей. (болг.)

⁵ Обмен. (болг.)

Губы против воли улыбались. Все в ней ликовало, сердце ритмично выстукивало по сло-гам: сво-бо-да! Не было больше цепей, приковывающих ее к этой земле. Собственное тело казалось легким, как пушинка, а заросший сад – незнакомым, словно дом сразу отверг быв-шую хозяйку.

С крыльца спускались Бойко и Андрей. Завидев женщин, Бойко остановился, а Андрей, наоборот, прибавил шаг навстречу.

– Что с тобой? – Он попытался взять за руку Кристину, но она дернулась в сторону. Озлобленно взглянула на Марию, потом на Бойко. Вместо ответа хрипло спросила:

– Подписали документы?

– Да. – Андрей похлопал себя по куртке, где за пазухой лежали документы. Бойко показал ключи от квартиры и спрятал в карман. – От машины риелтора тоже избавились. Тут такое болото! И озеро! Как с картинки. И поле рядом, со стадион... Красота!

– Рада, что тебе нравится. – Кристина отвернулась и медленно поднялась по ступенькам. Проходя мимо Бойко, грубо задела его плечом. – Пошли в дом. А вы... оба. Убирайтесь с моей территории. И псину прихватите.

Андрей изумленно посмотрел вслед жене, перевел взгляд на Бойко:

– Что произошло?

– Иди с ней и не волнуйся. Все у вас хорошо будет, – откликнулся Бойко.

Андрей непонимающе повел плечами. Потом заторопился за Кристиной.

Мария наблюдала в стороне, обхватив себя руками. Когда пара волколаков скрылась в доме, сказала мужу:

– Спусти Дуная. И пойдем, до города путь неблизкий.

– А не замерзнешь? Вещи взять никакие не успели. – Бойко подошел к шиповнику, под которым прятался на цепи пес. Одним движением отстегнул карабин. Дунай, радостно твякая, завертелся вокруг хозяина, а потом подлетел к Марии и облизал ее протянутые ладони. – И запасов крови нет. А нам нужно есть, чтобы одолеть такой путь.

– Ничего. По дороге кто-то да попадется. Дунай для нас, как всегда, добычу загонит. – Мария ласково потрепала пса по голове.

– Как скажешь, душа моя. – Бойко взял жену под руку.

Мария вдохнула полной грудью перед тем, как выйти на дорогу. Замешкалась, не веря, что действительно это делает. Лес вокруг стал непривычно чужой, будто говорил теперь на другом, недоступном ей больше языке. Первый шаг отозвался паникой, второй – покалываю-щей в пальцах тревогой. Третий вышел сам собой, а дальше страх растворился в волнующем предвкушении.

Сопровождаемые псом, Мария и Бойко миновали невидимую границу. Дом остался сто-ять неприступной, вросшей в чащу громадиной, и шепчущие сосны сомкнулись над его кры-шей.

Десятая жизнь Андрей Миля

Звезды меркли, точно рассвет слизывал их с небосвода. Блекла рогатая луна. Ветер облетал село, скрипел ставнями, шелестел листвою. Ночные твари прятались по норам, могилам да по душам пропащих.

Васька спал и видел грезы о прошлой жизни, когда в предрассветных сумерках из-за печи выскользнул силуэт, маленький и коренастый. Он бесшумно подкрался к спящему. Рука с растопыренными пальцами хищной тварью потянулась к Ваське и... цапнула за хвост.

Васька зашипел, ударил лапой, но лишь вспорол воздух – домовый уже хихикал за печкой. В ответ на бранное «мяу» покровитель дома пробубнил примирительное «не дожدهшься». Так и порешили, и расстались миролюбиво.

Черный кот машинально облизнулся, спрыгнул с печки и стал лакать из блюдечка молоко. Хата наполнилась урчанием.

Домовой, все еще похихикивая, подошел к нему и запустил пальцы в холку. От почесывания Васька заурчал еще сильнее.

– Пей, друже, пей. Что б я без тебя делал! Но на дитячко сердито так больше не косись. Знаю, шумный он, но то ли еще будет. Твой век короткий, тебе невдогад, а я помню, как Иван родился в этой хате, вот тот горлопаном был с первых минут и до самой свадьбы.

Словно в несогласии с этими словами в колыбельке зародился плач, споро переросший в настоящую истерику.

– Ну вот, разбудили. Сейчас Маруся встанет. Ты, если время будет, сходи к речке. Поспрашивай там про водяного, выздоровел он или как. А то смердеть перестало оттуда.

Заскрипели полаты.

– Все, пора мне, друже. – С этими словами домовый дернул Ваську за хвост и, хихикая, метнулся на свое законное место.

Васька быстро управился с молоком. Мяукнул. На зов тут же прибежала мышь. Он аккуратно взял ее в рот и уселся под дверь, ожидая, когда хозяин похвалит и выпустит на улицу.

* * *

Улица встретила кудахтаньем, мычанием, дальним гавканьем и редкими голосами людей. Как только дверь захлопнулась, Васька выпустил мышь. Та посетовала, что в винограде завелся ужасный змий, и попросила поиграться с ним по-своему, по-кошачьи. Васька согласно мяукнул. На том и разошлись.

Они еще в прошлом месяце заключили договор. Мышь не шкодит и отваживает других мышей. Васька же почти каждое утро ее «ловит», тем самым оправдывая свое пребывание в хате.

В винограде что-то зашуршало, но Васька решил оставить на вечер «забаву» со змием.

Он сел на ступеньку, оттопырил в небо заднюю лапку – знак исповедания веры в Котобога – и, делая вид, что вылизывает низ живота, заурчал короткую молитву.

Все животные – от людей до тли – имеют своих богов. Коты поклоняются Котобогу. Коровы – Млечному Быку. А блохи – Блоху.

Спустившись со ступенек, Васька принялся. Из-под земли тянулся слабый аромат чеснока. По велению домового Васька зарыл там целую головку еще в пору Марусиной тягости.

Четвертой.

Первые две оборвались на середине срока: одна в поле, другая той ночью на зеленые святки, когда Ивана соблазнила мавка.

Третий ребеночек вылез из утробы на девятом месяце. Мертвый. Припало это все на ту же русальную неделю. Иван так и не уразумел, что это была плата за его прошлогоднюю измену. Не увидел, как из мертвого тельца явилась лоскотуха – порождение той мавки, что возлегла с ним на берегу Сейма. Домовой бешеным зверем выскочил из-за печки, вцепился в тощую шейку и душил новорожденную навь, пока та не истаяла в воздухе.

Теперь же по всей хате и вокруг были спрятаны разномастные обереги. Они, конечно, и раньше тут водились, но не в таком разнообразии.

Васька изогнулся до хруста в косточках и пошел по селу.

На крыше одного кривобокого сараюшки встретил ученого Хвостика. Поздоровался с ним уважительным «мяу». Хвостик хоть и на год младше Васьки, но это только в этой девятой жизни. Разумеется, если верить ему на слово. Иногда коты могли приврать не хуже человека.

Ваське вот снились шесть жизней, поэтому и считал до поры до времени, что проживает шестую. Первая жизнь была самой сладкой. Был он любимчиком фараона: и кормили, как божка, и гладили, как божка. Во второй жизни был диким котом, не встречавшим людей. В третьей во время праздника посадили его французы в железную клетку к сородичам да под веселый гомон опустили ее в костер. Следующие две жизни были под стать нынешней. Позапрошлую он в этом же селе прожил, правда на другом его конце, у одинокой, бездетной старухи.

Тут справедливости ради стоит уточнить, что коты не все свои жизни за один сон видят, а лишь куцые обрывки. Обычно к году пятому набирается у них снов, чтобы примерно понимать, что там было. В Васькином же случае со снами домовой подсобил, хотя и не без лукавства. Не хотел сперва расстраивать, что еще три жизни Васька и не пожил толком. В одной мамка его сразу после того, как окотилась, померла, а котят следом голод прибрал. В другой глаз открыть не успел, как хрустнул под ногой хозяина. А в еще одной этот же хозяин утопил его.

Однако заметил домовой, что Васька излишне легко стал к жизни относиться, испугался и рассказал, что это девятая.

С тех пор Васька с Хвостиком стали на селе уважаемыми котами.

Помяукав с другом о бренном и вечном, отправился Васька дальше.

С отвращением обошел сплпшихся суку с кобелем. Специально перебежал носастой бабке дорогу: нравилось ему смотреть, как та всякий раз роняет коромысло с ведрами, крестится, плюет через плечо, визжит хряком резаным и яростно топчет ногами землю.

Вдоволь натешившись уморной сценой, пошел Васька дальше. Но стоило свернуть за хатку с измазанной дегтем дверью, как перехватило дух. Выцепил острый взор притаившуюся под размашистым лопухом Мурку, кошку цвета парного молока.

Ёкнуло в кошачьей груди. Вспомнилось былое.

Как в мае сидели с ней на крыше, прильнув друг к другу, смотрели на луну и мурлыкали нежности. Дали они тогда – белая кошка и черный кот – клятву, схожую с той, что люди в церквах дают, и обвенчало их небо, осыпав лунным серебром.

Как, проходя мимо, она игриво задевала его хвостом. Как называл ее «Сырочком» и облизывал розовый носик; приносил мышей, а иной раз исхитрялся и салом побаловать. Даже курчонка, было дело, цапнул для возлюбленной, да квочка так клювом под хвост ткнула, что от боли чуть не кукарекнул, а курчонок выскочил из раззявленного рта и к мамке под крыло спрятался.

Как, нежно покусывая за загривок, любил ее до изнеможения. Как округлилась Мурка после любовных утех. Разнесло, точно корову, – любо глянуть было. Ходил тогда Васька по селу гоголем, и, казалось, все его уважают – от старосты до жука навозного.

А потом Мурка окотилась. Рыжими выблядками окотилась.

Увидев тогда пушистые комки цвета гарбузяной каши, Васька попятился, зашипел матерно, как черт в церкви на Троицу не матюкается. Застлали слезы очи котячьи. Разлился внутри пламень. Шагнул вперед, дал Мурке по морде, точно врагу клятому, и убежал в закат. Метался, нюхал, мяукал грозно, искал суку-Рыжика. Но тот хахаль Муркин как сквозь землю провалился.

В ту ночь выместил всю злобу Васька на Дружке соседском. Бедный пес в будку забился, а Васька следом зашел и там когти о шкуру собачью точить продолжил. Бил скулящего, пока сил не осталось лишь на то, чтобы уйти на хозяйский сенник и забыться мертвым сном. К нему той ночью домовый пришел. Гладил, шептал успокаивающе да добрые сны в голову подсовывал.

Дружок с той поры в отместку часто оставлял пахучий след у крыльца хозяйской хаты.

Встречал Васька после и Рыжика, и Мурку с потомством, но уже не осталось злости – истлела она, зарубцевалось и порванное сердце.

Однако каждый раз, видя рыжую морду, желал твари пуд блох на яйца или оказаться на барской псарне, а его выблядкам – мешок и полное воды корыто. В самых лютых проклятиях (с плохого настроения) мысленно нарекал Рыжику тесное знакомство с бобылем-Сашком. Про того разная молва среди людей ходила. Молва молвой, а Васька самолично видел, как тот, стоя на оглоблях, с кобылой любился; как чуть было не порвал с охотки гуске гузку.

Васька часто с домовым про Сашка судачили, смеялись и урчали до коликов, мол, понавывлупливаются из яиц крылатые Сашки с клювами да полетят по белу свету любвеобильность свою нести.

Сейчас же Васька остановился. Захотелось стереть из памяти былое, начать сначала. Подойти к Мурке, поздороваться, обнюхав где положено, услышать в ответ сладкое мурчание. Но тут рядом с ней появился рыжий котенок, а в следующую секунду прыгнула Мурка и поймала воробушка. Учила чад ублюбочных охоте. Прелюбодеица.

* * *

Гулял Васька почти до самого вечера. Общался с котами, ругался с собаками, гусаку задиристому пригрозил, что если тот и дальше на всех кидаться будет, то бабка его еще до осени на холодец пустит.

Наблюдал, как маленький мальчик тыкал пальцем в сторону креста на церкви и кричал матери, что на нем ангел сидит. Васька мысленно поправлял, что не ангел, а алконост. Но разве ж люди кроме людских наречий (и то не всех) понимают чужие? Да и понимай они, что толку? Мальчишке на вид года четыре, странно, что до сих пор навий видит. Хотя, быть может, просто семя юродства в нем корни пустило.

Алконост же смотрел по сторонам тоскливо, пока не расправил крылья и не вознесся в Ирий.

По пути до хаты Васька задумался, что же там, после девятой жизни, ждет кошачье племя? Царство Котобожие или ничто?

За этими думами чуть не забыл про виноград. Остановился близ него, прислушался. Тишина. Хотел было мяукнуть, мол, время тебе до утра в другое место переползти, но тут открылась дверь хаты, и Васька отложил змеиный вопрос на завтра да юркнул под ногами выходящего Ивана.

В хате что-то поменялось.

Как всегда, пахло кашей, огонек подрагивал на лучине, сдерживая темноту. Маруся кормила грудью младеню. Но чего-то тут недоставало. Будто поменяли что-то, и не понять сразу что.

Позвал домового, тот не ответил. Спит небось, как всегда в это время.

Пришлось обойти все углы, принюхаться, прислушаться. Ответа не сыскалось.

От дурного предчувствия приподнялась шерсть, хвост и вовсе распушился черной елкой. Нужно будить покровителя дома, а то проспит неладное.

Убедившись, что ребенок причмокивает материнскую грудь и ничто ему не угрожает, пошел за печь, едва сдерживая сердитое шипение. За печью близ вороха каких-то лоскутов лежал домовой. Васька зашатался, точно подкошенный.

Выше шеи домового ничего не было. Точнее, было, но не голова с бородашкой и вечной улыбкой на лице, а месиво. Будто телега гарбуз переехала.

Васька кое-как подошел к покойнику, сморгнул влагу с глаз. Беззвучно мяукнул. Лег и уткнулся в мертвого друга. Тот больше не пах стариковской кислинкой. От него несло горечью. А в следующий миг тело домового пошло трещинами и рассыпалось в прах.

Васька понял, что убили того совсем недавно. Зашипев, он вышел из-за печки, готовый встретить ворога мордой к морде или к лицу.

Скрипнула дверь, впуская Ивана.

– Васька! – крикнул тот, увидев неподобающее поведение кота, тем паче когда в хате столь уязвимый младеня. – А ну вон отсюда!

Васька не успел сообразить, что произошло, – тяжелая нога влетела в бочину. Закричала Маруся, расплакался Никитка.

– Зараза, ты на кого шипеть вздумал?

Еще пинок. Васька хотел было ударить в ответ, но вовремя опомнился. Хозяин этим временем схватил его за шкуру, поднял, чуть не стукнув о ведро с надоем, и вышвырнул на улицу.

Васька приземлился на лапы. Бросился обратно, но дверь закрылась перед самой мордой, еще бы секунда – и эта жизнь обратилась бы в сон. Остановился. Жалобно мяукнул: бочина наполнилась тупой болью. Стало тяжело дышать. Чуть успокоившись, спустился со ступенек и принялся. Чесноком больше не пахло. Начал рыть. Прорыл дальше, чем нужно, но так и не нашел спрятанную головку. Кто? Хозяин по глупости? Не важно!

Кто же проник в дом и почему не сработали другие обереги? Словно охотничий пес, начал нюхать землю, метаться, ища подсказки. Юлил близ крыльца, но, кроме знакомых запахов, ничего больше не нашел. Мышь, Дружок, хозяева... а это что? Отчетливо уловил он запах змия.

Вздыбилась шерсть. Вылезли когти, оскалились зубы.

Бесстрашной поступью двинулся он к винограду, не собираясь шадить даже ужат, если бы таковые там оказались.

Смрад смерти вполз в нос раньше, чем глаза увидели поруганного змия. Складывалось ощущение, что тот выbleвал себя наполовину. Но пусть кошачий ум и слабее людского, хотя далеко не всегда, Васька понял, что на самом деле кто-то вывернул ужа наизнанку. Не полностью. Лишь до середины явив миру розовое нутро. Васька обнюхал убиенного. От того несло уже знакомой горечью.

Бросился к хате, прыгнул к окну и... зашипел, оскалившись.

Из ведра с надоем тянулись вверх серые руки. Три. Две толстые и тонкая. Толстые тонкую схватили да утащили обратно в молоко, затем снова выпрямились. Начали вокруг щупать воздух, пока не нашли край ведра. Вцепились в него и потянули наружу навь мерзкую.

Сперва голова показалась. Без глаз, без ушей. Следом сразу пузо, как у попа. А за ним – ноги в полфута, да такие тоненькие, что прутики. И когда навь вышла из ведра (как только ноги эти голову с пузом выдерживали!), на кривой ее морде раззявился рот безязыкий, пустой.

Не ведая об опасности, Иван так не вовремя проходил мимо. Навь тут же прыгнула ему на плечи, опоясала ногами шею, точно удавкой диковинной, в три петли и прильнула ртом к уху.

Васька сразу понял, что это злыдень. Рассказывал домовой про этих духов.

Этим временем из ведра еще один вылез. Меньше первого раза в два и безногий. Он сразу пополз к Марусе – видать, по запаху чуял, где она. Вцепился в ногу, открыл рот и выпустил тонкие нити, которые побежали по телу вверх: какая под исподнее забралась, какие – в рот и уши с носом, даже в глаза пара вонзилась безболезненно.

Васька застучал лапой в стекло. Да разве ж люди поймут, чего он хочет?

Иван подлетел к окну, зыркнул глазами, так непривычно злыми, да как закричал, как ударил, что аж трещина перед котьей мордой расплзлась. Васька спрыгнул на землю. За стеной началась ругань на фоне детского плача, и стало темно.

Под вздыбленной шерстью гудели злость и ярость, не давая собраться с мыслями.

Как с ними бороться? Плотские когти не всегда дух вспороть могут. С досады Васька ударил по молодому лопушку так, что тот разлетелся зелеными кусками. Легче не стало.

Тем временем в хате запалили новую лучину. Васька подпрыгнул. Вцепился передними лапами за бревно под окном и подтянулся тихонько – не дай Котобог хозяин увидит. Нутро хаты он начал видеть с потолка, а больше и не надо было.

На потолке лежала тень, будто кто-то ее там аккуратно размазал. Стоило Ваське посмотреть на нее, как начала она стягиваться с краев в середину, густея и поднимаясь черным тестом, пока не подобралась и не спрыгнула вниз.

Васька, забыв о хозяине, взобрался на бревно. Тень уже успела обернуться горбатой старухой и направиться к колыбельке. Память голосом домового зашептала о криках-вараксах и ночницах.

Иван бранил жену за невкусную кашу. Хотя на деле-то его устами ругался толстый злыдень. Маруся же смотрела на мужа проколотыми глазами и дивилась, как могла за такое ничтожество замуж выйти. А прицепившийся к ее ноге худой злыдень жирел на глазах, аки клещ.

Крикса же склонилась над младеней, облизнула его личико холодным языком, распеленала, сунула половину ножки в рот и зачмокала. Лишь за долю секунды до этого увидел Васька ее лицо и остолбенел. Видел он его и раньше. Во снах. А когда крикса эта еще человеком была, жил с ней под одной крышей на другом конце села.

* * *

Васька бежал что было мочи, верещал, выкрикивая имя Хвостика. Тот много знает, умеет человеческие палочки с кружками читать, да и со своим домовым в ладных отношениях. Подскажет, что делать, как спасти хозяев.

Со стороны Сейма доносились песни – то мавки завлекали парубков для утех. Как всегда, дураки найдутся, а потом будут разбухшие по реке плавать.

Хвостик сидел на пороге своей хаты. Запыхавшийся Васька скоро промяукал ему о случившейся напасти. Хвостик попросил его успокоиться и начал все раскладывать по полочкам.

В хате зарáz оказались три нави. Причем злыдни попали туда совершенно не свойственным им путем. Прицепиться к прохожему у дороги – да. Но спрятаться в ведре с молоком? Они ж слепые. Чертовщина какая-то. Чеснок выкопать тоже без тела невозможно. Значит, кто-то из живых им помог. Но кто? У кого клык на хозяев? Может, с соседом чего не поделили?

Сосед. Ваську точно молнией прошило. Неужто Дружок аж настолько черную обиду затаил, что снюхался с навьями?

Хвостик недовольно шикнул. Для Дружка не с лапы такая месть. Проще было бы подстеречь Ваську да хребтину переломить или лапу перекусить, пока тот спит на солнышке в пыли. Тут людской ум беду задумал.

Васька не стал спорить. Сам не раз задумывался, что у людей точно невидимая сума при себе всегда имеется, а в ней полно злобы и мерзости. Ну или просто в голове их ум какой-то неправильный, гнилой.

Пока Васька остался думать, кто мог обиду лютую на хозяев затаить, Хвостик поскреб уговоренным образом дверь, а спустя минуту к ним с крыши спустился домовый, отряхиваясь от сажи.

– Дело дрянь, – заключил он, вникнув в ситуацию. – Прискорбно. Печной за все семьсот годов, что мы с ним хлеб-соль водили, по чести в хатах очаг оберегал. Ты, Васька, не паникуй. Мы, домовые, народ маленький, но коренастый. За своих и лиху глаз на жопу натянем, и волколаков на тулупы пустим. Твоих злыдней – как Сашко овечку. И высушим, как царей египетских. Бегите с Хвостиком к хате. Наблюдайте. А я остальных пока соберу.

Васька напомнил, что нужно узнать, кто злое замыслил против хозяев его.

– Всею свой час. Сперва порядок в хате наведем. Потом зачинщиков шукать будем. Ох и жаркая ночка выдаться! Лет сто пара никому не давали, как сегодня зададим. Про лихо с глазом, меж прочим, реальный случай.

* * *

Васька с Хвостиком запрыгнули на подоконник.

В хате на одного духа сделалось больше. Хмельной шиш сидел за столом и плевал Ивану в каждую чарку. А Иван вливал их в себя, не закусывая. Пил, ругался, рубаху порвал на себе.

Маруся калачиком лежала на полатах. Рыдала. Материла Ивана, испоганившего ее жизнь. Нити, через которые кормился раздутый злыдень, почернели от ее обиды и злобы. А те, что в ушах торчали, напрочь глушили плач Никитки. Крикса же облизывала младеню, обсасывала, щипала и улыбалась.

В Васькино сердце будто когти выпустили. Ладно Иван с Марусей, они хоть слепы, Никитка же видит мерзкую старуху. Бедный младеня. Он же не виноват ни в чем.

Вспомнились котята Муркины. Совесть тоже в сердце кольнула за то, что желал им костлявой в мешке.

Тихо мякнул Хвостик, спрашивая, где домашние обереги. Васька хотел было ответить, но вдруг понял, что не видит их.

Как же он мог упустить это? Разве могла бы крикса изгаляться над Никиткой, коли не исчезла бы из колыбельки пеленашка⁶? Напряг память, вспоминая, видел ли за печкой кукол-лихоманок. Вспомнил ворох лоскутов. Небось, избавились и от крохотного истукана из кости, что домовый за иконой хранил. И подковы над дверью больше нет. Кто же мог учинить такое? Что за скверная званка похозяйничала? А куда Маруся смотрела?

Этим временем хмельной шиш уже сам начал наливать Ивану да плевать тому сразу в рот. Некогда худой, а ныне тучный злыдень растекся по Марусе, оставив лишь голову.

Песни мавок сделались громче, будто приблизились. Потянуло с погоста мертвечиной. Залаяли собаки.

Крикса царапнула Никитке грудь и так сыто зачавкала, что слышно на улице было. Тут-то Васька и не выдержал. Вспомнил, как Хвостиков домовый через дымоход вышел, и таким же путем решил в хату попасть. Хвостик погнался за ним, мяукал, шипел, силясь уразуметь. Да за ведомым гневом разве поспеешь? Разве отговоришь?

Взобрался Васька на крышу и юркнул в дымоход. Благо под пушистой шерсткой жира не было. Благо лето...

И уже почти у самой печки Васька вдруг вспомнил, что не так давно Маруся кашу варила. Представил, как упадет на угли, зашипит, зашкворчит, польхая. Но уже поздно было идти на попятную с таким-то разгоном. Ничего, не впервой ему сгорать. Зато весь этот ужас превра-

⁶ Пеленашка – оберег в виде куклы-мотанки, отводивший беду от младенца.

тится в кошмарный сон. Как же хорошо станет после боли: мамкино молоко, новые братья с сестрами, новая жизнь...

Вот только встретила его печка не красными углями, а стылостью и знакомым горьким смрадом. Значит, навь через дымоход в дом проникла, как кикимора какая-нибудь. Выхолонила своим естеством печку да пошла бедокурить.

Времени на раздумья не было. Выскочил Васька из печи и понесся прямо на криксу.

Переродившаяся в злой дух бывшая хозяйка оторвалась от Никитки в тот самый миг, когда Васька прыгнул на нее, целясь когтями в глаза. Но, как и ожидал наблюдавший за окном Хвостик, ничего у Васьки не вышло.

Пролетел черный кот сквозь криксу, приложился о стену, упал. Вскочил на лапы, снова бросился в бой. Да толку! Живому с духом тягаться все равно что моровое поветрие словом лечить – хворь не отступит, а вот уста черными язвами покроются.

Однако Васька не унимался. Оглупевший от ярости, продолжал свою тщетную битву, пока силы не покинули его. А как только, умаянный, замер у ног криксы, шипя, будто еще надеялся хотя бы испугать ее, на черную шерстку опустилась пясть и схватила за загривок.

Васька взмыл в воздух. Хотел дернуться, оцарапать напавшего сзади, да всего его точно параличом сковало.

– Ишь ты, защитник який нашелся! – сказала навь и развернула Ваську к себе. Красивое по людским меркам лицо. Черные в хилеющем свете лучины волосы. Васька мог бы подумать, что это женщина, если бы нос его не заполнила вонь болотной няши. – Про этого паскудыша ты говорила?

Из-за полатей кто-то согласно пискнул, а через миг оттуда показалась мышь.

Васька тут же понял, чьих это лап дело. Кто выкопал чеснок, изгрыз в лоскуты кукол-лихоманок да лишил хату прочих оберегов. Если бы не паралич, он бы спросил, за что она так с ним? Но то ли мышь вопрос этот в глазах его прочитала, то ли ей не терпелось позлорадствовать – так или иначе, запищала она, говоря о куда большем, нежели он хотел знать.

И был таков ее сказ.

В цветене болеющий Муркой Васька поймал мышь, приходившуюся ей мужем. Для него это было очередным подарком любимой, для мыши же стало горем лютым. Поклялась она тогда, что отомстит, и тут услышала в ночи песню с речки. И песнь та скорбью своей поманила к себе, как что-то родное. Сидела у берега мавка и пением оплакивала убитую дочь. Той же ночью решили они объединиться во мщении.

Все время, что жила мышь под этой крышей, кипела в ней злоба да выстывала месть.

Сегодня притащила она в дом травинку, что дала ей мавка, и подложила домовому в снесь. Трава та редкая, растет только на костях младенцев, которых матери собственноручно топят и которым дно речное могилой становится. Мавка эту травинку водяного уже давно заметила, а на седмицу назад речному духу горло перегрызла, отчего Сейм на день зловонным сделался – кровь его долго в ничто не обращалась.

От травы той черти годами спят. А домовый лет через сто пробудился бы. Но впущенная в дом мавка имела на него иные планы. Влила спящему в рот настойку из слез алконоста, которому прошлой ночью заживо все перья выщипала прежде, чем утопить. От настойки домовый проснулся. Мавка схватила его за голову и медленно сжимала до крика, до влажного хруста, пока не чавкнуло в холодной руке.

– Сладко так чавкнуло. И кричал он сладко и долго. Дидятко ревел от его крика. Домовенку я отомстила. Я ж тогда в окно видела, как он мою доченьку задушил. Но обереги клятые не позволили вмешаться. Сегодня – ночь отмщения.

Мышка запищала, что, убив домового, мавка спряталась в печь, как раз перед тем, как в хату вошел Васька. И пока он за печкой смотрел, как домовый исчезает, она вылезла на крышу

через дымоход и позвала покормиться криксу, которая днями кружила у хаты в надежде улучшить возможность отведать Никитку.

Услышав упоминание о себе, крикса захохотала, после чего снова прильнула мордой к животу младени.

– Тебя за дверь вышвырнули, а она к колыбельке сразу. Да в колыбельке этой пеленашка поганая лежала. От ужаса бедную аж в потолок подкинуло и размазало по нему. Я пеленашку за полати выкинула, а она, – мавка кивнула на мышь, – расправилась с куклой клятой.

Мышка снова запищала, хвастаясь, что злыдням еще днем в ведро дорожку показала. Они так-то и не надобны были, но чего бы и не помочь навьям несчастным? Сегодня она им поможет, завтра – они ей. Эта хата – лишь начало. Скоро все село станет царствием навий с мышами, а люди будут им прислуживать.

– Васька! Сатана черна! – закричал Иван, наконец-то повернувший голову и увидевший висящего в воздухе кота. – Я тебе...

Договорить он не успел. Хмельной шиш плюнул ему в очи и в свободное от злыдня ухо.

– Подывысь на полати. – Иван повиновался его писклявому голосу. – Бачишь, там твоя жинка в раскаряку лыжить пыд соседом. Чуешь, як стонэ? Срамота. Совсим стыд потеряла. Муж у хаты, а вона с соседом любыться. Что люды казать будут? Ох, позор на твои голову, Ванька, ляже. Смятиса над тобой будут да плюваться в твою сторону.

Иван смотрел залитыми слюной глазами и видел, как пыхтит на Марусе молодой сосед Данила. А забитым слюной ухом слышал женины стоны.

– Ах ты ж сука блудливая!

– Да шо ты словамы их, Ваня. В сенях сокира стоять. Ты возьмы ей да обухом посильнее...

Иван кое-как поднялся на непослушных ногах и кривой походкой двинулся в сени. Маруся все плакала, кормя навеянным горем злыдня. Не слышала она ни плача сыночка, ни шагов мужа, ни ругани его.

Мавка повернула Ваську к полатам, чтобы он увидел, как хозяин занес топор над хозяйкой.

Но тут распахнулась дверь, впуская в хату домовых со всего села. У каждого в руках было по мечу размером с маленький ножик. Десяток домовых прыгнули на Ивана. Случись это на секунду раньше, не хлопнула бы голова Маруси, расколотая топором.

Дюжина мечей вонзилась в хмельного шиша. Засвистело, и полетели во все стороны отрубленные его кусочки. Ни один не долетел до пола, осыпались пылью.

Крикса отпрянула от младени вверх, снова подернув собой потолок.

А потом лучина затухла, и в хате воцарилась тьма.

Васька почувствовал, как разжались пальцы на загривке. Приземлился на лапы. Видя в темноте лучше большинства присутствовавших, прыгнул в колыбельку и накрыл собой Никитку.

Звенели мечи, стонали злыдни, кричали домовые: кто в кураже битвы, кто от боли, когда мавка давила их, точно перезрелые сливы.

Ночница плюхнулась с потолка, обернулась мышью летучей и уже вылетела было из хаты, когда вцепились в нее лапы Хвостика. Хрустнула в его пасти голова. Обрато в навь она превратилась лишь затем, чтобы отправиться вслед за хмельным шишом.

Мавка верещала, когда ее находил очередной меч.

Васька решил, что дитятку больше не угрожает ничего, и выглянул из колыбельки. Увидел домовых, почти слепой толпой рубящих мавку. Увидел Хвостика, наблюдавшего за этим у двери. И увидел покрытую шерстью руку, что высунулась из сеней. Васька громко зашипел Хвостику, но было поздно. Рука схватила того за хвост. И пока Васька бежал на помощь другу, черт вошел в хату и со всей силой приложился визжащим Хвостиком о стену.

Васька прыгнул, вцепился черту в морду, царапнул, вгрызся. Ощутил смердящую горькую кровь. Почувствовал боль чуть ниже шеи, хруст и полетел через всю хату, превратившуюся в поле брани.

Упал. Боли почти не было. Попытался встать, но лапы больше не слушались. Все тело отказалось подчиняться.

В углу загорелась икона, вновь наполняя хату светом.

В это время черт, размахивая мертвым Хвостиком, точно булавой, принялся бить домашних. Мавка больше не верещала. Смеялась злым смехом. От иконы пламя медленно поползло по стене.

Откуда-то появилась мышь и укусила Ваську на нос. Запищала снова о царстве навий и мышей, через каждое слово вонзая в рану зубы. Васька же мог только мяукать от боли.

Мышь упивалась этим так сильно, что не заметила, как подполз к ней раненый домовый, тот самый, который жил в хате с Хвостиком, замахнулся мечом и располовинил ее одним ударом.

– Да, Васька, опрофанились мы, – зашептал тот, сплевывая кровь. – Без нас село сгинет. У людей ума не хватит берегами защититься. В лесу волколаки воют. От речки мавки идут. Мы, пока сюда бежали, двоих изрубили, и упыря одного. А ты сам знаешь, сколько в божедоме заложных накопилось. Не все, суки, там гнили, а выжидали часу подходящего. Дождались. Разгуляется нечисть. Они ж чувят такие места, как приключения сидальницу. – На его лице расцвела кровавая улыбка, покорибилась в болезненной судороге и тут же увяла. – Мор придет. Люд помрет. У тебя еще одна жизнь осталась. Печной тебе, небось, не сказал, дабы не огорчать, что тебя тогда котенком утопили. Так вот, еще одна жизнь у тебя осталась. Не знаю, когда ты родишься и где, но помнить будешь, что тут случилось, и расскажешь там всем, чтобы наши ошибки таких впредь не повторяли.

С этими словами домовый опустил ладонь на порванный нос Васьки. Прикосновение уняло боль.

– Живи, Васька, и помни.

Добрая сила перетекла из домового в Ваську, и через миг дух дома истаял призрачной дымкой, оставив черного кота смотреть, как мавка с чертом уходят прочь. Слышать, как ревет в колыбельке беспомощный Никитка.

Пламень жрал дерево. Мертвые домовые корчились на полу, обращаясь в ничто.

Бездвижный Васька плакал. Плакал по Печному, по Марусе, по Хвостик, по всем домашним, окончившим земное поприще, по обреченным сельчанам, по Мурке и ее рыжим котяткам.

Но больше всего плакал он по Никитке, которого не мог спасти.

И как же радостно ему стало, когда, закашлявшись, Иван пришел в себя. Когда он достал из колыбельки Никитку и, прижимая его к себе, чтобы укрыть от огня, выбежал из хаты.

Хага до петухов костром светить будет, а нечистые от такого предпочитают держаться подальше. Да и люди на пожар сбегутся. В толпе Иван с Никиткой целее будут.

А утром, дай бог, Иван додумается унести сына подальше от обреченного места.

* * *

– Дима, ты совсем дурак или прикидываешься? Ну куда нам еще и это в квартиру? Тебе Русланчика мало?

– Не ругайся, Мась. Зима же скоро. Он или замерзнет, или от голода сдохнет.

– Угу. А так я его одной сиськой кормить буду, а второй укрывать. Спасибо, я пас.

– Не перегибай. Я ему завтра на рынке потрохов куплю.

Черный кот сидел на коленях Дмитрия и басовито урчал, не взирая на скандальные интонации людей.

– Конечно, я просто забыла, что ты у нас миллиардер, чтобы котам харчи отдельно покупать.

– Значит, супом своим буду делиться.

– Ага, супом. Будет он его жрать. Ты посмотри на эту морду. Сразу видно, что он к хренискасам всяким привык.

– Сама приглядишься! Он худой, как глист, такой супу...

– Вот! Это его сейчас от глистов надо обработать. Прививки купить.

– Куплю.

– Лучше бы Русланчику памперсов про запас купил.

– Знаешь, Русланчику тоже в плюс пойдет, если в квартире животина будет. Я где-то слышал, что это снижает возможность развития аллергии.

– Вот! – Маша ткнула указательным пальцем вверх. – А что, если у Русланчика аллергия на котов?

– Точно.

– Вот видишь!

– Нет, я о другом. Кажется, я понял, почему Русланчик плачет, когда твоя мама к нам заходит. И сопельки у него начинаются.

– Дим, ты реально дурак?

– Нет, Мась. Просто осточертело, что ты меня постоянно пилишь! Он будет жить с нами, и точка!

– Я тебя пилю? – Маша затрясла головой.

Урчание смолкло. Дмитрий почувствовал, как напрягся кот, как кожу кольнули коготки.

– Тихо, тихо. Тетя не такая уж и страшная!

– Ты прикалываешься?

– Ну прости, Мась.

Кот зашипел.

– Да пошли вы оба!

Маша выскочила из кухни.

Кот проводил ее взглядом, наблюдая, как в такт шагам на ее затылке подпрыгивает серый пузырь.

– Ну, брат, это ты зря, конечно.

Дмитрий погладил кота и вернул урчание.

Из другой комнаты послышался голос Маши:

– Говорит, что пилю его. Представляешь?! А сам блохастого кота притащил. Да ты что, я пока ему объясняла, что нужно кота в приют отдать, штуки три на пол спрыгнуло. Я сама видела. Ага. А воняет как!

– Вот так и живем, – вздохнул Дима. – Нет, раньше она нормальной была. Это в последнее время ее понесло. Сам понимаешь, с ребенком целыми днями. Русланчик. Красавец. Весь в меня. Я вас познакомлю, но сначала тебя нужно выкупать, а то про запах Масыню правду сказала.

Дмитрий предложил назвать кота Дартом Вейдером или просто Вейдером. «Да хоть странным Готом», – отмахнулась Маша, но строго-настрого запретила подпускать кота к ребенку.

Ночью, когда Дмитрий встал в туалет, черный кот, которого в итоге окрестили Барсиком, бесшумно вошел в спальню. Запрыгнул на кровать, занес над головой Маши лапу и выпустил когти.

За два года скитаний ему удалось открыть в себе любопытные способности. Оказалось, что переданная домовым добрая сила не только подарила ему десятую жизнь да сохранила воспоминания о прежних воплощениях, но еще и наделила даром тактильного контакта с навьями.

Когти вспороли злыдня, точно гнойный пузырь, и тот растекся по подушке, а потом и вовсе исчез.

Барсик вернулся на кухню еще до того, как Дмитрий закончил внутренний спор: опустить стульчак или оставить поднятым назло Маше?

Маше проснулась совсем другим человеком. Улыбчивая, милая, ласковая.

После завтрака Барсик сидел в прихожей и наблюдал, как они занимались на столе сексом. Смотрел и по непонятным для него причинам не мог отвести глаз.

Потом его познакомили с Русланчиком. Разрешили обнюхать и даже потереться. Ребенок довольно агукал.

Выходя из спальни, Васька заметил какое-то движение в колыбельке, но не сменил маршрута. Лишь когти застучали по полу и на загровке чуть приподнялась шерсть.

Когда хозяйева будут кормить Русланчика на кухне, он сюда еще вернется.

Касатики Татьяна Верман

Машину подбрасывало на проселочной дороге, мотало из стороны в сторону, как корабль в бурю. Яна даже клацнула зубами, когда они ухнули в очередную колдобину. Желудок болезненно сжался, рот наполнился слюной с привкусом кофе и желчи. Ее всегда укачивало, но непрекращающаяся тряска рисковала избавить Яну от съеденного на заправке хотдога.

– Я сейчас умру, – простонала она.

– Салон мне не заблюй. – Антон вытащил из подлокотника мятные конфетки, из тех, что болтаются в машине, пока намертво не слипнутся с выцветшим от времени фантиком, и, хохотнув, протянул Яне: – На, пососи. Потерпи, скоро уже.

И правда, через пару минут ухабистая грунтовка свернула налево, и по обе стороны дороги стали появляться заброшенные дома. Выгоревшие на солнце, с чешуей облупившейся краски, они укоризненно таращились на незваных гостей темными провалами разбитых окон. Молчаливые, угрюмые, навсегда утратившие пламя домашнего очага и саму цель и смысл своего существования.

Изда Антохиных стариков выглядела чуть бодрее: поблескивала целыми стеклами, кичилась поросшей мхом крышей. Ворот на участке не было, только узкая калитка, повисшая на одной петле, так что машину притерли поближе к покосившемуся забору и оставили на дороге. Из приятной прохлады кондиционированного салона Яна нырнула во влажный жар июльского дня. От радостного волнения перехватило дыхание. Она хотела взять Антона за руку, но тот уже одолел скрипучую калитку и зашагал вглубь участка.

Бабушку Елизавету Львовну нашли рядом с курятником.

На шаги она не обернулась. Отточенным, доведенным до автоматизма движением швырнула связанную за ноги курицу на колоду и тут же обрушила сверху тесак. Плеснуло красным. Янин испуганный вскрик утонул в пронзительном визге обреченной птицы. Еще один удар оборвал предсмертные хрипы, с колоды в пыль скатилось что-то маленькое. Яна судорожно вздохнула и зажмурилась, а когда снова открыла глаза, Елизавета Львовна уже деловито подвешивала обезглавленную тушку на вбитый в стену курятника крюк. Кровь из раны на шее гулко капала в подставленное ведро.

Радостное предвкушение будто половой тряпкой стерли, на Яну опять накатила тошнота. «Зря мы приехали, – вдруг подумалось ей. – Зря я настояла». Дурное предчувствие скрутило внутренности в тугой ком.

– Ба, привет! – окликнул старушку Антон.

Та обернулась, и Яна вздрогнула от неожиданности: морщинистое лицо пересекали свежие брызги крови.

– Дернулась, зараза, – проворчала Елизавета Львовна. – Отвернула голову, дура такая, с первого удара зарубить не получилось, уделала меня всю. – Она размазала алые капли по лицу и тут же потянула к Антону губы. Он послушно наклонился, бабушка влажно клюнула его в щеку, оставив над щетиной смазанное пятно куриной крови. – Ну, здравствуй, внучек. Что-то вы рано, мы вас позже ждали. К столу еще ничего не готово.

– Ничего, мы не голодные. А деда где?

– В доме, отдыхает. На спину все жалуется, почти не встает. Кабы не издох. – В голосе не прозвучало ни намек на беспокойство или страх, только раздражение, будто смерть мужа стала бы досадной неприятностью, не более того. Старушка покачала головой и наконец повернулась к Яне, впери в нее цепкий взгляд льдисто-голубых глаз. – Тошная-то какая, смотреть страшно.

Яна застыла, вежливая улыбка так и примерзла к губам. Она беспомощно оглянулась на Антона. «Я же тебе говорил», – ясно читалось на его лице.

– Ба, не начинай. Это Яна, невеста моя. – Антон приобнял девушку за плечи. – Янчик, это Елизавета Львовна, моя бабуля.

– Здравствуйте, рада знакомству.

Слова прозвучали заученно, фальшиво-радостно, будто Яна здоровалась с кадровиком на собеседовании, а не с единственной родней жениха. Сказала – и тут же замерла оленем в свете фар: что делать дальше? Обнять, поцеловать в щеку? Может, просто неловко махнуть рукой? Елизавета Львовна внушала ей смутное беспокойство, и хладнокровно забитая курица была здесь совершенно ни при чем – в конце концов, для деревенских дело обычное, даже обыденное. Нет, виной была сама старушка. Прорезь рта, будто лишенная губ, придавала ей сходство со змеей. Сгорбленное годами тело казалось уловкой, обманкой – в костлявой фигуре ощущалась скрытая сила.

Старуха снисходительно потрепала Яну по щеке. Шершавые пальцы царапнули кожу, как наждачка.

– Невеста, значит. – Она цокнула языком, покачала головой, добавила: – Зови меня бабой Лизой, – и, не оглядываясь, заковыляла к дому.

* * *

Внутри изба оказалась ровно такой, как ожидала Яна: бревенчатые стены украшали вышитые тканевые полотенца, на окнах колыхался пожелтевший тюль; глаза приковывал большой красный угол с жутковатыми растрескавшимися иконами. Почти в самом центре горницы стояла здоровенная печь. Яна никогда раньше не была в деревне и настоящую русскую печь тоже видела впервые. Громоздкая серо-белая громадина в угольных подпалинах внушала благоговейный трепет. Яна осторожно прикоснулась к шероховатому боку и ощутила укол разочарования – холодный. Ей хотелось забраться на лежанку и ощутить приятный жар спиной, хоть на миг почувствовать себя частью многовековой традиции. Но закрытая заслонка напоминала прикрытое веко дремлющего чудища – печь впала в спячку. Или погибла?

Яна вдруг поняла: уютную деревенскую реальность уродовали аляпистые заплатки современности. В углу горницы обнаружилась плита, присосавшаяся к красному газовому баллону, а рядом, на грубо сколоченном столе, поблескивала серебристыми боками новенькая микроволновка. Антон давно оставил попытки вывезти стариков в город – да и, если быть совсем честным, так ли уж он этого хотел? – поэтому старался откупиться от чувства вины техникой и другими полезностями. Так во дворе появилась колонка, а в доме – маленькая, но вполне сносная плазма. Единственное, на что ни в какую не соглашалась баба Лиза, так это на современный туалет с септиком. На заднем дворе особняком стояла тесная вонючая кабинка с прорубленным в потемневших досках окошечком-ромбиком.

– Не вздумайте выходить из дома ночью, – сказала старушка, когда на улице стемнело. – Я оставила в сенях отхожее ведро.

Петр Алексеевич внезапно ожил и не то застонал, не то заскулил. За весь вечер дед не проронил ни слова – даже когда Антон представил ему невесту, тот лишь молча кивнул и сразу отвернулся. В мутных глазах старика вечно стояли слезы; двигался он медленно, явно преодолевая боль, и за ужином едва мог удержать ложку распухшими узловатыми пальцами. Иногда он проносил еду мимо рта. Ошметки вареных овощей повисали на седой включенной бороде, и тогда Елизавета Львовна ловко вытирала подбородок мужа застиранной салфеткой. Яна почему-то решила, что дед немой; она сразу представила, что в глубине стариковского рта ворочается обрубок языка, весь усыпанный язвочками и мелкими нарывами. Тем неожиданнее стало его протяжное жалкое хныканье.

– Ну чего ты, сейчас спать пойдем, потерпи, – одернула его баба Лиза и снова повернулась к молодым: – Если сикать-какать в ведро соберетесь, водой потом залейте, чтобы не так воняло.

– Да мы до туалета дойдем, – попробовала возразить Яна. Тащиться до сортира в потемках приятно мало, но еще меньше ей хотелось корячиться над ведром. – У нас фонарики на телефонах есть, подсветим, дорогу найдем.

Дед опять приглушенно завыл и затряс головой.

– Я что сказала?! – нахмурилась баба Лиза. – Бродют в ночи всякие, так что из дому ни ногой! Если говорю – ведро, значит, только ведро и есть. Послал же господь бестолковую невестку... Дверь я уже на задвижку закрыла, и тю-тю. Окна тоже не трогайте.

– Кто бродит? – удивилась Яна. Антон только головой помотал, мол, не слушай стариковские бредни.

Но баба Лиза, похоже, больше ничего не собиралась объяснять, взяла мужа под локоть и, бубня себе что-то под нос, медленно повела его в спальню. Глухо бухнула дверь, молодые остались в гостиной одни.

Спать легли на полуторной панцирной кровати: кое-как скрючились, тесно прижались друг к другу, провалились в зоб провисшей скрипучей сетки. Как ни пыталась Яна улечься поудобнее – все тщетно, сквозь тонкий бугристый матрас в тело пиявками впивались металлические завитки. Но коготки обиды и разочарования врезались куда глубже.

– И чего она на меня так взъелась? – зашептала Яна на ухо Антону.

Зарождающиеся слезы щипали глаза. В своих мечтах Янка видела румяную бабушку с пирожками наперевес и веселого деда-шутника, а не ворчливую каргу и больного молчуна. Вот уж повезло с будущими родственниками! С другой стороны, своих у детдомовской Яны не было, поэтому нос воротить не приходилось.

– Я же предупреждал, что бабуля та еще гримза, – хмыкнул Антон. – А ты все «поехали, поехали».

Его слова покоробили Яну, но она смолчала, не хотелось опять поцапаться из-за ерунды. Ей вдруг привиделось перекошенное от злости лицо Антона, его раздутые ноздри и ощеренные зубы, но она поспешила выбросить жуткое воспоминание из головы. Было и прошло, больше не повторится – он обещал.

– А что за история про «бродют в ночи всякие»? Тут что, медведи или волки водятся?

– Ага, шляется тут один волчара. – Пальцы Антона сжали Янкин сосок и тут же нырнули к ложбинке между ног. – И куснуть может за одно место.

– Ты с ума сошел? – Яна отпихнула его руку. – Услышат!

– Тогда давай на печке? Она скрипеть не будет.

– Совсем уже? Прекрати!

– Ну и спи тогда, – разозлился Антон и демонстративно отвернулся лицом к стене, чуть не выпихнув Яну с кровати. Через пару минут он уже вовсю сопел.

А вот Яне все никак не удавалось провалиться в сон, как она ни вертелась на краю постели и ни жмурила глаза. Что только не лезло в голову – и истекающая кровью безголовая курица, и подернутые пленкой глаза Петра Алексеевича, и даже дурацкая присказка «Сплю на новом месте, приснишь жених невесте». Хуже того, ей стало казаться, что изба живет своей жизнью: тихонько поскрипывает, шуршит по углам, почти что вздыхает, словно дряхлое измученное существо. Из-за закрытой двери доносился сиплый храп кого-то из стариков, под боком успокаивающе посапывал Антон, но Яна все никак не могла избавиться от ощущения, что в сонную симфонию вплетаются лишние звуки.

Она приподнялась на локте, напряженно вслушиваясь. Точно! Кто-то тихонько скребся, царапал по дереву коготками, все настойчивее, все громче. Яна повертела головой, пытаясь отыскать источник звука. Сердце тревожно заходило в груди, эхом отдавалось в ушах:

неужели и правда под окнами шарахались дикие звери? «Не дури, они внутрь не заберутся. Ни один волк не снесет задвижку, какой бы хлипкой она ни была. А если это медведь, то...»

Поток лихорадочных мыслей оборвался, Яна вдруг поняла – скребутся под полом.

В то же мгновение с улицы послышался протяжный жалобный крик.

– Да что же это... – пробормотала Яна. Она вжалась в кровать, слепо пошарила рукой, пытаясь растолкать Антона. – Проснись, проснись, ты слышишь?

Он только сонно забухтел, сбросил ее руку, натянул одеяло на голову – его и в лучшие дни невозможно было пробудить.

Горестный вой повторился вновь. Близко, так близко, будто его хозяин уже разгуливал по участку. Яна нащупала под подушкой смартфон и включила фонарик. Ослепительный луч заметался по горнице, выхватывая из мрака бревенчатые стены и белые печные бока. Дрожащая полоса света лизнула пол, и Яна вскрикнула: ей почудилось, что одна из досок чуть приподнялась, будто кто-то толкал ее снизу.

– Тоша... Проснись, Тош!

В ответ – тишина. И как можно спать, когда творится такое?!

Снаружи опять раздался жалостный плач, совсем как человеческий. Яна неуклюже скатилась с постели и на негнущихся ногах шагнула к окну. Деревенская ночь пряталась за тонкой пеленой тюля, но в узком зазоре между двумя занавесями внезапно мелькнула серая тень и тут же исчезла. Яна открыла рот – крик закипал в горле, вот-вот готовый сорваться с языка, – когда шершавая ладонь бесцеремонно отпихнула ее в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.